

Sidney Sheldon

СИДНИ

ШЕЛДОН

ТЫ БОИШЬСЯ ТЕМНОТЫ?

*Сидни Шелдон —
писатель №1
в мире!*

Сидни Шелдон

Ты боишься темноты?

«АСТ»

2004

УДК 821.111-312.4(073)
ББК 84(7Сое)-44

Шелдон С.

Ты боишься темноты? / С. Шелдон — «АСТ», 2004

ISBN 978-5-17-089123-8

Четыре несчастных случая – в Нью-Йорке, Денвере, Париже и Берлине. Четыре жертвы, не имевшие между собой почти ничего общего. Несчастные случаи – или убийства? Жены двоих погибших пытаются выяснить истину – и поневоле вступают в опасную игру. В игру со смертью...

УДК 821.111-312.4(073)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-089123-8

© Шелдон С., 2004

© АСТ, 2004

Содержание

Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	16
Глава 3	20
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	29
Глава 7	32
Глава 8	34
Глава 9	39
Глава 10	44
Глава 11	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Сидни Шелдон Ты боишься темноты?

Sidney Sheldon

ARE YOU AFRAID OF THE DARK?

© Sidney Sheldon Family Limited Partnership, 2004

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

* * *

Атанасу и Вере – с любовью

*Моя особая благодарность моей помощнице Мэри Ленгфорд за ее
неоценимую помощь*

Пролог

Берлин, Германия

Соня Вербрюгге и не подозревала, что это будет последний день ее жизни. Да и кто бы на ее месте думал о таком?

Поэтому она энергично протискивалась сквозь толпу туристов, наводнивших этим летом и без того оживленные тротуары Унтер-ден-Линден.

Только не паниковать, твердила она себе. Главное – оставаться спокойной.

Но как оставаться спокойной, когда на экране компьютера появилось ужасающее сообщение от Франца?

«Беги, Соня! Доберись до отеля «Артемизия». Там ты будешь в безопасности. Пережди, пока не услышишь о...»

Сообщение на этом обрывалось. Почему Франц не закончил его? Что происходит?

Вчера ночью она слышала, как муж говорил кому-то по телефону, что Приму нужно остановить любой ценой. Что это за Прима?

Фрау Вербрюгге приближалась к Бранденбургишештрассе, где находился отель «Артемизия», принимавший на постой исключительно женщин.

Подожду, пока не придет Франц. Надеюсь, он объяснит мне, что все это значит.

Едва Соня Вербрюгге подошла к перекрестку, загорелся красный свет. Соня послушно остановилась у обочины, но тут кто-то из толпы толкнул ее, да так, что она вылетела на мостовую.

Проклятые туристы!

Лимузин, стоявший во втором ряду, неожиданно свернул к Соне и задел ее достаточно сильно, сбив с ног. Вокруг упавшей женщины мгновенно собралась разноязыкая толпа.

– Что с ней?

– Она в порядке?

– Она может встать?

В этот момент проезжавшая мимо машина «скорой» остановилась. Оттуда выскочили два санитары с носилками и поспешили к пострадавшей.

– Мы позаботимся о ней, – заверил тот, что повыше.

Соня почувствовала, как ее поднимают и несут к машине. Дверца закрылась. Мотор взревел, и «скорая» умчалась прочь.

Соня попыталась сесть, но обнаружила, что пристегнута к носилкам ремнем.

– Я в порядке, – запротестовала она. – Ничего страшного не случилось. Я...

Один из санитаров наклонился над ней:

– Все хорошо, фрау Вербрюгге. Расслабьтесь, лежите спокойно.

Но вместо того чтобы последовать его совету, Соня, сама не понимая почему, встревожилась:

– Откуда вы знаете мое...

Договорить она не успела. Только почувствовала, как в руку вонзилась острая игла шприца. Еще минута, и она безвольно канула в поджидавшую тьму.

Париж, Франция

Марк Харрис в одиночестве стоял на площадке обозрения Эйфелевой башни, не обращая внимания на внезапно разразившийся ливень. Время от времени зигзаг молнии разбивал дождевые капли на сотни слепящих бриллиантовых водопадиков.

Где-то там, на другом берегу Сены, за туманной мглой, маячили дворец Шайо и площадь Трокадеро, но Марку было не до них. Сейчас он был способен только лихорадочно вспоминать те поразительные новости, которые вот-вот станут известны всему миру.

Обезумевший ветер взвихрил дождевые потоки, бросив в лицо Марку пригоршню воды. Марк, прикрывая запястье свободной рукой, взглянул на часы. Похоже, они запаздывают.

И почему настаивали на встрече здесь в полночь?

Он встревоженно нахмурился, но тут же услышал шорох открывшейся дверцы лифта. Два темных силуэта двинулись к нему, с трудом преодолевая свирепые порывы ветра.

Узнав пришедших, Марк с облегчением вздохнул.

– Вы опоздали.

– Прости, Марк, это все чертова погода.

– Ничего, лучше поздно, чем никогда. По крайней мере вы тут. Совещание в Вашингтоне, надеюсь, состоится?

– Об этом мы и хотели потолковать с тобой. Видишь ли, сегодня утром мы долго обсуждали, как лучше решить эту проблему, и наконец договорились...

Пока первый продолжал объяснять, второй зашел за спину Марка. Дальше события развивались стремительно. Тяжелый тупой предмет врезался в его затылок, и в следующее мгновение он, уже теряя сознание, ощутил, как его поднимают и переваливают через ограду. И он полетел вниз, к твердому, неподатливому асфальту, черневшему тридцатью восемью этажами ниже, под струями холодного дождя.

Денвер, Колорадо

Гэри Рейнолдс вырос в неприветливом канадском городке Келоуна, недалеко от Ванкувера, и там же изучал летное дело, поэтому привык летать над предательской гористой местностью. Сейчас он управлял «Сессной-ситейшн-II», то и дело настороженно поглядывая на видневшиеся внизу бесчисленные снежные пики.

Кабина пилота была рассчитана на двоих, но сегодня место второго пилота пустовало.

Только не в этом рейсе.

Он представил в аэропорт Кеннеди фальшивый план полета. Никто не подумает искать его в Денвере. Он проведет ночь в доме сестры, а утром отправится на восток, где будут ждать остальные. Все меры по устранению «Примы» приняты, и...

Голос диспетчера ворвался в его мысли:

– «Ситейшн» один-один Лима Фокстрот, это контрольно-диспетчерский пункт международного аэропорта Денвер. Ответьте, пожалуйста.

Гэри Рейнолдс нажал кнопку связи.

– Это «Ситейшн» один-один Лима Фокстрот. Прошу номер посадочной полосы.

– Один Лима Фокстрот, передайте ваши координаты.

– Один Лима Фокстрот, я в пятнадцати милях к северо-востоку от денверского аэропорта. Высота – пятнадцать тысяч футов.

Гэри заметил пик Пайка, выросший справа. Небо было ярко-синим, погода – ясной.

Хороший знак.

После короткой паузы снова раздался голос диспетчера:

– Один Лима Фокстрот, взлетная полоса два-шесть свободна. Повторяю, два-шесть.

– Один Лима Фокстрот, вас понял.

И тут совершенно неожиданно самолет резко дернулся и подскочил, как на невидимой выбоине. Гэри удивленно глянул в окно. Откуда-то налетел резкий ветер, и уже через несколько секунд «сесну», оказавшуюся в зоне турбулентности, стало безжалостно швырять из стороны в сторону. Гэри потянул на себя штурвал, стараясь набрать высоту. Бесполезно. Его закрутило

в бешеном водовороте. Самолет потерял управление. Гэри швырнуло на приборную панель. Он сам не понял, как удалось нажать кнопку рации.

– Это один Лима Фокстрот. У меня ЧП.

– Один Лима Фокстрот, объясните подробно, какого именно характера ваше ЧП?

– Я попал в область шквалистого ветра! – заорал Гэри в микрофон. – Опасная турбулентность! Я в самом центре чертова урагана!

– Один Лима Фокстрот, вы всего в четырех с половиной минутах от денверского аэропорта, и на наших экранах нет ни малейшего признака турбулентности.

– Да плевать мне на ваши экраны! Говорю вам... – Голос пилота перешел в панический визг. – Мэйдей! Мэй!...

И диспетчер с ужасом увидел, как светлое пятнышко на экране радара погасло.

Манхэттен, Нью-Йорк

На рассвете с полдюжины полицейских в мундирах и детективов в гражданской одежде толпились под Манхэттенским мостом через Ист-Ривер, окружив труп, лежавший у самого края воды. Тело, очевидно, сбросили с моста, так что голова болталась в воде чудовищным поплавком, подвластным капризам прилива.

Старший в группе, детектив Эрл Гринберг из отдела по расследованию убийств полицейского департамента Южного Манхэттена, заканчивал официальные, требуемые законом следственные процедуры. До этой минуты никому не позволяли приблизиться к мертвецу, пока не будут сделаны снимки, а сам Эрл дописывал протокол осмотра места преступления, пока полицейские искали вещественные доказательства. Руки жертвы были обернуты чистыми пластиковыми пакетами.

Карл Уорд, медицинский эксперт, завершил обследование трупа, встал, смахнул прилипший к брюкам сор и повернулся к детективам. Эрл Гринберг считался крепким профессионалом с весьма впечатляющим послужным списком. Второй, Роберт Прегитцер, седовласый, вечно небритый и взъерошенный, стоял с безразличным видом человека, выдавшего и не такое.

– Он в вашем распоряжении целиком и полностью, Эрл, – объявил Уорд Гринбергу.

– И что мы имеем?

– Причина смерти – перерезанное горло. Рассечена сонная артерия. Коленные чашечки разбиты, и, похоже, несколько ребер сломано. Кто-то здорово над ним поработал.

– Как насчет времени смерти?

Уорд задумчиво уставился на волны, плескавшиеся у головы мертвеца.

– Трудно сказать. Думаю, его сбросили в реку где-то после полуночи. Точнее скажу, когда мы доставим тело в морг.

Гринберг снова оглядел труп. Серый пиджак, темно-синие брюки, светло-голубой галстук, на левой руке – дорогие часы. Гринберг встал на колени и принялся обыскивать карманы жертвы. Пальцы наткнулись на острый угол сложенной вдвое бумажки. Он вытащил ее, стараясь держать за край.

– Написано на итальянском. – Он осмотрелся. – Джанелли!

– Да, сэр! – откликнулся один из полицейских. – Иду, сэр!

Гринберг протянул ему записку:

– Можешь перевести это?

– «Последний шанс, – медленно прочитал Джанелли. – Жди меня у семнадцатого пирса с остальной дурью – или будешь кормить рыб».

Он отдал записку Гринбергу. Роберт Прегитцер удивленно качнул головой:

¹ Мэйдей – международный сигнал бедствия. – *Примеч. пер.*

– Мафиозные разборки? В таком случае с чего это они бросили его тут, на открытом месте?

– Хороший вопрос, – кивнул Гринберг, продолжая рыться в карманах трупа. Обнаруженный бумажник оказался набит банкнотами.

– Во всяком случае, охотились они не за его деньгами. А вот и карточка. Убитого звали Ричардом Стивенсом.

– Ричард Стивенс? – пробормотал Прегитцер. – Пойдите, это не о нем что-то было в газетах?

– О его жене, – поправил Гринберг, – о Дайане Стивенс. Она дает показания в суде по делу об убийстве. Ответчик – Тони Алтьери, неужели не помнишь?

– Ну как же, – оживился Прегитцер. – Она посмела давать показания против крестного отца.

И оба вновь повернулись к телу Ричарда Стивенса.

Глава 1

В деловой части Манхэттена в зале заседаний номер тридцать семь суда по уголовным делам на Сентр-стрит, дом сто восемьдесят, шли очередные слушания по делу Энтони (Тони) Алтьери. Большое, просторное помещение было набито до отказа представителями прессы и просто любопытными.

На скамье подсудимых, в инвалидном кресле, скорчившись, сидел Энтони Алтьери, походивший на бледную жирную жабу. На одутловатом лице, казалось, жили только глаза, и каждый раз, когда их взгляд устремлялся на Дайану Стивенс, сидевшую на местах для свидетелей, она поеживалась, ощущая силу его ненависти.

Рядом с Алтьери сидел Джейк Рубинштейн, защитник. Рубинштейн славился хорошо известной в узких кругах клиентурой, состоявшей в основном из членов различных мафиозных кланов, и огромным количеством оправдательных приговоров, вынесенных в результате его усилий, этим самым членам различных мафиозных кланов.

Смуглый коротышка с острым логическим умом и живым воображением, Рубинштейн старался каждый раз обставить свое выступление в суде как занимательный спектакль. Бесконечные выходы в зале суда, можно сказать, были его «торговой маркой», и он каждый раз с блеском исполнял свою роль, достигнув больших успехов в актерском ремесле. Ко всему прочему, он умел с первого взгляда оценить своих противников и обладал потрясающей способностью обнаружить слабости каждого. Иногда Рубинштейн представлял себя львом, медленно надвигавшимся на ничего не подозревающую жертву, готовым к прыжку, или хитрым пауком, плетущим паутину, которая рано или поздно свяжет добычу по рукам и ногам, оставив ее беспомощной...

Порой он представал в образе терпеливого рыбака, мягким движением закидывавшего леску в воду и медленно подергивавшего поплавок, пока доверчивый свидетель не хватал наживку.

Адвокат внимательно изучал вызванного свидетеля. Дайане Стивенс было чуть за тридцать. Аура эlegantности. Аристократические черты. Мягкие струящиеся светлые волосы. Зеленые глаза. Прекрасная фигура. Само воплощение нравственной чистоты. Одета в шикарный приталенный черный костюм. Джейку уже было известно, что вчера она произвела благоприятное впечатление на жюри. Следовательно, нужно действовать осторожно. Главное – не спешить.

«Значит, рыбак», – решил он, неспешно приближаясь к свидетельскому месту.

– Миссис Стивенс, – мягко начал он, – вчера вы заявили, что в указанный день, четырнадцатого октября, вы направлялись на юг по автомагистрали Генри-Хадсонпаркуэй и, заметив, что спустила шина, свернули с шоссе у съезда на Сто пятьдесят восьмую улицу на боковую дорогу, ведущую в Форт-Вашингтон-парк?

– Да, – негромко, с безупречным произношением ответила Дайана.

– Что заставило вас остановиться именно в этом месте?

– Я уже сказала. Спущенная шина. Пришлось покинуть шоссе, и, кроме того, я увидела между деревьями крышу какого-то строения и подумала, что могу получить там помощь. У меня не было с собой запаски.

– Вы член автоклуба?

– Разумеется.

– И в вашей машине есть телефон?

– Да.

– Так почему же вы не позвонили в автоклуб?

– Подумала, что это займет слишком много времени.

- Конечно, – сочувственно кивнул Рубинштейн. – А дом был прямо перед вами.
- Именно.
- И поэтому вы направились к дому, чтобы получить помощь?
- Совершенно верно.
- На улице все еще было светло?
- Да. Еще не было пяти часов дня.
- И поэтому вы могли все видеть ясно?
- Могла.
- И что вы видели, миссис Стивенс?
- Я увидела Энтони Алтьери...
- Вот как? Значит, вы знали его раньше?
- Нет.
- Почему же были так уверены, что это Энтони Алтьери?
- Мне встречались его снимки в газетах, и...
- Следовательно, на снимках вы видели человека, похожего на Энтони Алтьери?
- Понимаете...
- Итак, что вы видели в том строении?

Дайана Стивенс прерывисто вздохнула и медленно заговорила, восстанавливая в памяти сцену, которую наблюдала:

– В комнате было четверо. Один из них был привязан к стулу. Двое стояли по бокам, а мистер Алтьери, кажется, допрашивал его. – Ее голос дрогнул, и она поспешно сжала кулаки, чтобы взять себя в руки. – Мистер Алтьери выхватил пистолет, крикнул что-то и выстрелил этому человеку в голову.

Джейк покосился на присяжных. Поглощенные рассказом Дайаны, они зачарованно слушали.

- И что вы сделали потом, миссис Стивенс?
- Побежала к машине и позвонила в полицию с сотового.
- А дальше?
- Уехала.
- На спущенной шине?
- Да.

Пришла пора взбаламутить тихие воды.

- Почему же не подождали полицейских?

Дайана бросила взгляд на скамью подсудимых. Алтьери с нескрываемой злобой смотрел на нее. Дайана отвела глаза.

– Я... я не могла остаться, потому что... боялась... а вдруг кто-то выйдет из дома и наткнется на меня.

– Все это вполне понятно. – Голос Рубинштейна внезапно стал жестким. – Непонятно другое: почему, когда приехавший на ваш вызов полицейский патруль вошел в строение, там не только не оказалось ни единой души, но не было и ни малейшей улики, указывавшей на такое преступление, как убийство, не говоря уж о том, что на полу не заметили ни капли крови.

- Ничего не могу поделать. Я...
- Вы художница, не так ли?

Дайана с недоумением нахмурилась, явно застигнутая врасплох вопросом.

- Да, я...
- И достаточно успешная?
- Полагаю, что так, но какое это имеет...

Пришло время подсесть рыбку.

– Немного лишней рекламы никогда не повредит, верно? Вся страна видит вас в ночных новостях по телевизору и на первых страницах газет...

Взбешенная, Дайана резко вскинула голову:

– Я не делаю подобных вещей ради рекламы! И никогда не обвинила бы невинного человека...

– Ключевое слово «невинный», миссис Стивенс. И я, без всякого сомнения, докажу, что мистер Алтгери невиновен. Спасибо, с вами на этом покончим.

Дайана Стивенс проигнорировала двусмысленность фразы. Возвращаясь на свое место, она кипела от гнева.

– Я свободна? – прошептала она обвинителю. – Могу идти?

– Да. Я пошлю кого-нибудь вас проводить.

– Совершенно ни к чему. Благодарю вас.

Она направилась к двери и вышла к парковке. В ушах звенели слова защитника.

Вы художница, не так ли? Немного лишней рекламы никогда не повредит...

Какое унижение!

И все же она была довольна своими показаниями и тем, как прошло сегодняшнее заседание. Она рассказала присяжным, как было дело, и у них нет причины сомневаться в ее словах. Энтони Алтгери должен быть осужден и провести остаток дней в тюрьме.

И все же при мысли о темных змеиных глазках Алтгери ее пробрала дрожь.

Дайана отдала квитанцию служащему парковки и пошла к своей машине.

Вскоре она уже выезжала на улицу, направляясь на север. К своему дому.

На перекрестке загорелся красный свет. Дайана нажала на тормоза, и стоявший у обочины хорошо одетый молодой человек, шагнул к ней.

– Простите, я заблудился. Не могли бы вы...

Дайана опустила окно.

– Как проехать к туннелю Холланд? – спросил он с итальянским акцентом.

– О, это очень просто. Поезжайте до первого...

Мужчина поднял руку, в которой был зажат пистолет с глушителем.

– Вон из машины, леди. Быстро!

Дайана побледнела.

– Хорошо. Пожалуйста, не...

Она приоткрыла дверь, едва не задев незнакомца, и тот невольно отступил. Дайана, не теряя времени, надавила на газ, и машина рванулась вперед. Дайана услышала, как разлетается заднее стекло. Пуля просвистела мимо уха и ударила в ветровое стекло. Вторая пуля попала в багажник.

Сердце колотилось так сильно, что не хватало воздуха.

Дайана читала об угонах машин, но все это словно пролетало мимо нее. Относилось к тем неприятностям, которые обычно происходят с другими людьми. А этот человек пытался ее убить. Неужели грабители и на такое способны?

Дайана потянулась к сотовому и набрала 911. Прошло не меньше двух минут, прежде чем ей ответили:

– Служба спасения. В чем дело?

Еще не начав объяснять, что случилось, Дайана поняла: ее положение безнадежно. Киллер, разумеется, давно скрылся.

– Я пошлю полицейского на место происшествия. Могу я узнать ваше имя, адрес, телефонный номер?

Дайана продиктовала все, что требовалось.

Бесполезно, подумала она и, посмотрев на разбитое стекло, передернулась. Ей отчаянно хотелось позвонить Ричарду на работу, рассказать, что случилось, но она знала, что он рабо-

тает над важным проектом. Если она позвонит и расскажет, что произошло, муж расстроится и примчится к ней, а она не хочет, чтобы он нарушил сроки. Пусть вернется домой, и тогда они поговорят.

И тут вдруг ее пронзила леденящая сердце догадка.

Итальянец ждал именно ее, Дайану, или это всего лишь совпадение?

Она вспомнила, как Ричард предупреждал ее перед началом суда:

Не думаю, что тебе стоит давать показания. Это опасно, Дайана, пойми же!

Не волнуйся, дорогой, отмахнулась она тогда. Алтьери будет осужден. Его упрячут за решетку на всю оставшуюся жизнь.

Но у него есть друзья и...

Ричард, если я не сделаю этого, просто не смогу жить спокойно.

Нет, это все же совпадение, решила Дайана. Алтьери не настолько безумен, чтобы решиться на такое, особенно во время суда.

Свернув с шоссе, Дайана ехала на запад, пока не остановилась у многоквартирного дома на Восточной Семьдесят пятой улице. Прежде чем поставить машину в подземный гараж, она осторожно посмотрела в зеркальце заднего вида. Все выглядело как обычно. Ничего подозрительного.

Квартира была двухуровневой, с внутренней лестницей, просторной гостиной, окнами от пола до потолка и большим мраморным камином. В гостиной были расставлены диваны и кресла, обитые ситцем в цветочек, имелись большой встроенный шкаф и телевизионный экран едва ли не во всю стену. На других висели картины: Чайлд Хассам, Жюль Паскин, Томас Берч, Джордж Хичкок – и работы Дайаны.

На втором этаже располагались хозяйская спальня, ванная, вторая, гостевая, спальня и залитая солнцем мастерская, где Дайана рисовала. Несколько ее картин висели и тут. На мольберте, в центре комнаты, стоял неоконченный портрет.

Придя домой, Дайана первым делом поспешила в мастерскую, сняла портрет с мольберта, поставила на его место чистый холст и попыталась нарисовать лицо человека, едва не убившего ее сегодня. Но руки тряслись так, что пришлось отступить.

По дороге к дому Дайаны Стивенс детектив Эрл Гринберг пожаловался:

– Больше всего на свете ненавижу делать именно это.

– Лучше пусть узнают от нас, чем из вечерних новостей, – покачал головой Прегитцер. – Сам скажешь?

Эрл Гринберг угрюмо кивнул, вспоминая историю детектива, которого послали сообщить миссис Адамс, жене патрульного, что ее муж был убит.

Она очень чувствительна, предупредил детектива шеф. Уж вы там как-нибудь поосторожнее.

Не волнуйтесь, я справлюсь, заверил детектив. И поехал выполнять задание.

Постучал в дверь Адамсов и, когда жена погибшего полицейского открыла, с ходу спросил:

– Это вы вдова Адамс?

Дайана вздрогнула, услышав резкий звонок в дверь. Женщина растерялась. Она никого не ждала.

– Кто там? – спросила она, подойдя к домофону.

– Детектив Эрл Гринберг. Мне хотелось бы поговорить с вами, миссис Стивенс.

Дайана решила, что речь пойдет о попытке ограбления. Странно, что полицейские добрались к ней так быстро.

Она нажала кнопку. Гринберг вошел в коридор и шагнул к ее двери.

– Здравствуйте.

– Миссис Стивенс?

– Да. Спасибо, что приехали сразу же. Я начала рисовать портрет этого человека, но... – Дайана перевела дыхание. – Смуглый, с глубоко посаженными светло-кариими глазами и маленькой родинкой на щеке. Пистолет был с глушителем, и...

Гринберг озадаченно уставился на нее:

– Простите. Не понимаю, о чем вы...

– Об угонщике автомобилей. Я позвонила в полицию, и... – Только сейчас она обратила внимание на выражение лица инспектора и осеклась. – Речь идет не об ограблении, верно?

– Да, мадам. – Гринберг чуть помедлил. – Я могу войти?

– Пожалуйста.

Детектив шагнул через порог. Дайана непонимающе хмурилась.

– В чем дело? Что-то не так?

Слова упорно не шли с языка.

– Да. Мне очень жаль. Я принес плохие новости. Это насчет вашего мужа.

– Ч-что с ним? – выдавила Дайана.

– Несчастный случай.

Дайане отчего-то стало холодно.

– Какой именно?

Гринберг набрал в грудь побольше воздуха.

– Прошлой ночью он был убит, миссис Стивенс. Мы нашли его тело под мостом, в Ист-Ривер, сегодня утром.

Дайана долго смотрела на него, прежде чем покачать головой:

– Тут какая-то ошибка. Мой муж сейчас на работе, в лаборатории.

Похоже, дело оказалось еще труднее, чем предполагал Гринберг.

– Миссис Стивенс, ваш муж приходил домой прошлой ночью?

– Нет, но Ричард часто работает сутками. Он ученый, – объяснила Дайана, все больше волнуясь.

– Миссис Стивенс, вы знали, что ваш муж был связан с мафией?

Дайана побелела.

– Мафия? Вы с ума сошли!

– Мы обнаружили...

Дайана начала задыхаться.

– Позвольте ваше удостоверение личности.

– Разумеется.

Детектив вынул из кармана карточку и протянул ей.

Дайана взглянула на нее, отдала обратно и отвесила Гринбергу звонкую пощечину.

– Разве город платит вам за то, чтобы вы шлялись по чужим домам и пугали честных граждан? Мой муж жив! Он на работе! – закричала она.

Гринберг взглянул в ее глаза и увидел в них шок и нежелание принять очевидное.

– Миссис Стивенс, хотите, чтобы я прислал кого-нибудь присмотреть за вами?..

– Это за вами нужно присмотреть! А теперь убирайтесь!

– Миссис Стивенс...

– И немедленно!

Гринберг положил на стол визитную карточку:

– На случай, если захотите поговорить со мной, там мой телефон.

Идя к двери, он подумал, что «блестяще» провел операцию. Ничего не скажешь, отличился! С таким же успехом мог с порога спросить:

– Это вы вдова Стивенс?

После ухода детектива Гринберга Дайана заперлась и бессильно прислонилась к стене.
Идиот! Врывается в мой дом и пытается меня запугать. Следовало бы пожаловаться на него начальству!

Она направилась было в мастерскую, но, случайно взглянув на часы, спохватилась. Пора готовить ужин. Скоро придет Ричард.

Ничего, сегодня она сделает паэлью, любимое блюдо мужа.

Дайана побежала на кухню и принялась за стряпню.

Помня о секретной работе мужа, Дайана никогда не звонила ему в лабораторию, а если и он не звонил, знала, что это означает. Ричард вернется поздно.

В восемь паэлья была готова. Дайана попробовала ее и удовлетворенно улыбнулась. В точности как любит Ричард!

Когда же муж не пришел и в десять, Дайана поставила паэлью в холодильник и приклеила записку на дверцу:

«Дорогой, ужин в холодильнике. Приходи и разбуди меня».

Ричард вернется усталым и голодным. Значит, обрадуется любимому блюду.

Внезапная усталость навалилась на Дайану. Она разделась, натянула ночную рубашку, почистила зубы, легла и мгновенно заснула.

В три часа ночи она проснулась от собственного крика.

Глава 2

Озноб унялся только к рассвету. Казалось, она промерзла насквозь и даже кости превратились в лед. Ричард мертв. Она никогда больше не увидит его. Не услышит голоса. Не прижмется к его груди.

И во всем виновата я. Зачем я согласилась дать показания? О, Ричард, прости меня... пожалуйста... прости... я не смогу жить без тебя. Ты был моей жизнью, единственной соломинкой, за которую я цеплялась, и вот теперь не осталось ничего.

Хотелось стать маленькой и незаметной.

Хотелось исчезнуть.

Хотелось умереть.

Она лежала одна на широкой постели, думая о прошлом и о том, как преобразила и изменила ее жизнь встреча с Ричардом.

Дайана Уэст выросла в Сэндс-Пойнт, штат Нью-Йорк, в обеспеченной семье. Ее отец был хирургом, мать – художницей, и сама Дайана начала рисовать в три года. Она училась в пансионе Святого Павла, а на первом курсе в колледже завела короткий роман с обаятельным преподавателем математики. Он твердил, что хочет жениться на ней, потому что для него она единственная женщина в мире. Случайно узнав, что у него есть жена и трое детишек, Дайана решила, что у него неладно то ли с памятью, то ли с математикой, и перевелась в колледж Уэллсли².

Она была одержима искусством и каждую свободную минуту проводила за мольбертом. Ко времени окончания колледжа она уже продала немало работ и приобрела репутацию подающей надежды художницы.

Той осенью известная художественная галерея на Пятой авеню устроила выставку ее картин, имевшую огромный успех. Пол Дикон, владелец галереи, богатый, широко образованный, обладавший безупречным вкусом афроамериканец, решил сделать ставку на работы Дайаны.

В вечер вернисажа зал был переполнен. Дикон, широко улыбаясь, поспешил к Дайане:

– Поздравляю! Большинство картин уже продано! Через несколько месяцев я собираюсь устроить вторую выставку. Так что поторопись.

– Я так благодарна тебе, – прошептала потрясенная Дайана.

– Благодари себя. Ты все это заслужила, – кивнул он и, потрепав ее по плечу, растворился в толпе.

Дайана раздавала автографы, когда позади нее кто-то сказал:

– Мне нравятся ваши изгибы.

Дайана оцепенела от злости, но, тут же опомнившись, повернулась и уже раскрыла рот, чтобы дать наглецу достойный отпор, когда вдруг услышала:

– Они обладают изысканностью Россетти или Мане.

Оказалось, незнакомец изучал картину на стене.

Дайана едва успела спохватиться.

– Вы так считаете?

На вид мужчине было лет тридцать пять. Высокий, на голову выше ее, хорошо сложенный блондин с ярко-голубыми глазами, одетый в рыжевато-коричневый костюм и белую рубашку с коричневым галстуком.

– Я... спасибо.

– Когда вы начали рисовать?

– Еще ребенком. Моя мать была художницей.

² Престижный частный гуманитарный колледж для женщин в пригороде Бостона Уэллсли.

– Моя мать была прекрасной кулинаркой, но готовить я не умею, – улыбнулся он. – Ваше имя я знаю. А меня зовут Ричард Стивенс.

В этот момент появился Пол Дикон с тремя свертками:

– Вот ваши покупки, мистер Стивенс. Желаю удачи.

И, вручив картины Ричарду, тактично удалился.

Дайана не могла прийти в себя от изумления.

– Вы купили сразу три картины?

– И еще две висят у меня дома.

– Я... я польщена.

– А я ценю таланты.

– Спасибо.

– Что ж... – нерешительно протянул он, – вы, возможно, заняты, так что я побегу...

– Нет, я совершенно свободна, – услышала Дайана собственный голос.

– Вот и хорошо. – Он снова замаялся. – Вы могли бы сделать мне огромное одолжение, мисс Уэст.

Дайана украдкой взглянула на его левую руку. Обручального кольца не было.

– Какое именно?

– У меня есть два билета на завтрашнюю премьеру новой постановки Ноэла Коурда «Неугомонный дух», и мне не с кем пойти. Если вы свободны...

Дайана присмотрелась к собеседнику. Милый, вежливый, очень привлекательный, но, что ни говори, она его совершенно не знает.

Опасно. Слишком опасно.

– С удовольствием пойду с вами, – выговорила она.

* * *

Следующий вечер оказался на редкость приятным. Ричард Стивенс был занимательным собеседником, и Дайана мгновенно освоилась в его обществе, тем более что обоим интересовало одно и то же: искусство, музыка и театр. Ее тянуло к нему, но она опасалась, что его не влечет к ней.

Провожая ее домой, Ричард спросил:

– Вы не заняты завтра вечером?

– Совершенно свободна, – ответила Дайана не задумываясь.

– В таком случае, может, поужинаем вместе?

Дайана молча кивнула.

Они выбрали небольшой ресторанчик в Сохо.

За ужином Дайана попросила Ричарда рассказать о себе. Тот пожал плечами:

– Особенно и рассказывать нечего. Мой отец был архитектором и проектировал здания по всему миру. А мы с мамой ездили с ним. Я сменил множество школ в разных европейских государствах и, пытаясь облегчить себе жизнь, выучил несколько иностранных языков.

– А чем вы занимаетесь? Где работаете?

– Тружусь в КИГ, «Кингсли интернэшнл груп». Огромный мозговой центр. Нечто вроде научно-исследовательского института, только масштаб больше.

– Звучит потрясающе.

– Так и есть на самом деле. Затягивает как наркотик. Мы занимаемся самыми передовыми технологиями. Имей мы девиз, он скорее всего звучал бы так: «Если у нас нет ответа сейчас, подождите до завтра».

После ужина Ричард отвез Дайану домой, проводил до подъезда и, коротко поблагодарив за приятный вечер, ушел.

Проводив его взглядом, Дайана подумала:

Я рада, что встретила джентльмена, а не очередного грязного шакала. В самом деле рада. Надо же!

После того вечера они почти не разлучались, и каждый раз рядом с Ричардом у Дайаны становилось теплее на душе.

Как-то в пятницу Ричард сказал:

– По субботам я тренирую одну из команд Малой лиги³. Хотите посмотреть?

– Еще бы! – обрадовалась Дайана. – Обожаю баскетбол.

Наутро она оделась попроще, приехала в спортзал и долго наблюдала, как Ричард работает с командой неутомимых сорванцов. Он был прирожденный педагог: заботливый, мягкий и терпеливый. И вместе с другими орал и прыгал от счастья, когда десятилетний Тим Холм поймал особенно трудный мяч. Даже посторонним было заметно, что дети его обожают.

И тут Дайане пришлось признаться себе, что она, кажется, влюбляется в этого симпатичного великана.

Несколько дней спустя Дайана с подругами собралась устроить нечто вроде девичника. Собравшись, они пошли в ресторан, где беззаботно провели пару часов за ленчем. Выйдя на улицу, они направились куда глаза глядят и вскоре наткнулись на вывеску гадального салона, рекламировавшую искусство цыганки-предсказательницы.

– Давайте пойдем погадаем, – сама не зная почему, предложила Дайана. – Хочу узнать будущее!

– Не могу, Дайана, – покачала головой одна. – Нужно возвращаться на работу.

– И мне тоже.

– А мне нужно отвести домой Джонни.

– Если хочешь, иди одна, потом нам все расскажешь.

– И пойду! – упрямо тряхнула головой Дайана.

Через пять минут Дайана уже сидела перед морщинистой смуглой ведьмой с блестящими золотыми зубами. На голове женщины красовался тюрбан из грязного платка.

Что за ерунда? – думала Дайана. *Зачем я все это делаю?*

Но в душе она знала зачем. Очень хотела узнать, есть ли у них с Ричардом будущее. Смогут ли они быть вместе. Хотела и боялась.

Все это только ради смеха, уверяла она себя.

Старуха взяла колоду карт Таро и принялась тасовать, даже не поднимая глаз на посетительницу.

– Я бы хотела узнать, будет ли...

– Ш-ш-ш... – Женщина перевернула карту. Это оказался Шут, в яркой одежде, с сумой в руках. – Тебе предстоит узнать много тайн. – Она перевернула вторую карту. – Это Луна. У тебя много желаний, в которых ты не уверена.

Дайана помялась и кивнула.

– Ты мечтаешь о мужчине?

– Да.

Старуха перевернула следующую карту.

– Это Влюбленные.

– Хороший знак? – улыбнулась Дайана.

³ Объединение детских баскетбольных команд, финансируемое местными бизнесменами.

– Посмотрим. Следующие три карты покажут. Видишь? Висельник. – Она нахмурилась, поколебалась, прежде чем перевернуть очередную карту. – Дьявол...

– Все так плохо? – беспечно бросила Дайана.

Гадалка не ответила.

Настала очередь последней карты. Цыганка покачала головой.

– Карта Смерти, – пробормотала она неестественно глухим голосом.

Дайана вскочила.

– Я все равно ничему этому не верю! – рассердилась она.

Старуха впервые за все это время подняла глаза, и Дайана содрогнулась. На нее смотрела сама судьба.

– Во что ты веришь или не веришь, значения не имеет. Смерть повсюду. И сейчас она – твоя постоянная спутница.

Глава 3

Берлин, Германия

Старший инспектор полиции Отто Шиффер, двое полицейских в мундирах и управляющий многоквартирного дома герр Карл Гетц молча уставились на обнаженное тело, лежавшее на дне переполненной ванны. Едва заметная синяя полоска была видна на шее.

Старший инспектор подставил палец под капающий кран.

– Холодная, – констатировал он, затем поднес к носу пустую бутылку из-под виски, стоявшую рядом с ванной, понюхал и обернулся к управляющему: – Имя женщины?

– Соня Вербрюгге. Ее муж – Франц Вербрюгге. Кто-то вроде ученого.

– Она жила в этой квартире с мужем?

– Семь лет. Идеальные жильцы. Всегда платили за квартиру вовремя. Никаких неприятностей. Все любили... – Неожиданно сообразив, что хотел сказать, он осекся.

– Фрау Вербрюгге работала?

– Да, в интернет-кафе «Киберлин», где платят за пользование компьютерами для...

– Как вы обнаружили тело?

– Все из-за крана с холодной водой в ванной. Я несколько раз пытался его починить, но он так и не закручивался до конца.

– И что?

– Поэтому, когда сегодня утром жилец из квартиры этажом ниже пожаловался, что ему на голову льется вода, я поднялся сюда, постучал и, не получив ответа, открыл дверь своим ключом. Прошел в ванную и увидел... – Его голос прервался.

В ванную комнату вошел детектив:

– В баре ни одной бутылки виски. Только вино.

Инспектор кивнул:

– Интересно. Тогда возьмите эту и проверьте на наличие отпечатков.

– Будет сделано, герр инспектор.

– Герр Гетц, вы не знаете, где сейчас герр Вербрюгге?

– Нет. Я всегда вижу его по утрам, когда он уходит на работу, но сегодня... – Он беспомощно развел руками.

– Значит, сегодня вы его не видели?

– Нет.

– Не знаете, он куда не собирался уехать?

– Нет, герр инспектор.

Инспектор взглянул на детектива:

– Поговорите с другими жильцами. Узнайте, не была ли фрау Вербрюгге последнее время чем-то расстроена, не ссорилась ли с мужем и не увлекалась ли спиртным. Герр Гетц, мы собираемся связаться с ее мужем. Если чем-то способны помочь расследованию...

– Не знаю, – нерешительно протянул Карл Гетц, – поможет ли это вам, но один жилец сказал мне, что прошлой ночью к дому подкатила «скорая». Он спрашивал, не болен ли кто. Но когда я вышел на улицу узнать, что случилось, машина уже уехала. Это важно?

– Возможно, – кивнул инспектор. – Мы проверим.

– А что насчет... что делать с телом? – встревоженно спросил Карл Гетц.

– Сюда едет медэксперт. Слейте воду из ванны и набросьте на тело полотенце.

Глава 4

Я принес плохие новости... убит прошлой ночью... мы нашли его тело под мостом...

Для Дайаны Стивенс время остановилось. Целыми днями она бесцельно бродила по большой квартире, где все навевало воспоминания. И думала она только об одном. О муже. О том, что потеряла с его смертью.

Тепло и уют ушли навсегда... без Ричарда все это только холодные вещи... Большие мой дом никогда не оживет.

Почувствовав, как подкашиваются от усталости ноги, Дайана рухнула на диван и закрыла глаза.

Ричард, дорогой, в тот день, когда мы поженились, ты спросил, что я хочу в подарок. Тогда я сказала, что мне ничего не надо. Но теперь я прошу: вернись ко мне. И пусть я тебя не увижу, просто обними меня. И больше не отпускай. Я знаю, ты здесь. И мне необходимо ощутить твое прикосновение хотя бы еще раз. Погладь меня по волосам, по груди, прижмись губами к губам. Скажи, что я делаю лучшую паззлю в мире. Попроси не стягивать с тебя одеяло во сне. Шепни, что любишь меня.

Она попыталась остановить поток слез, но не смогла.

* * *

С той минуты, когда Дайана отчетливо осознала, что Ричард мертв, она заперлась в темной квартире и провела там несколько дней, не отвечая на звонки и не подходя к двери. Словно раненое животное, она пряталась в норе, опасаясь выйти на свет. Ей хотелось одного: остаться наедине со своей болью.

Ричард, сколько раз я думала признаться тебе в любви, чтобы услышать ответное признание. Но боялась показаться навязчивой. Какой же дурой я была! Теперь ты мне нужен больше, чем прежде.

Наконец, устав от постоянных звонков телефона и стука в дверь, Дайана отперла замок. На пороге стояла Кэролин Тер, одна из ее лучших подруг.

– Выглядишь хуже некуда, – резко бросила она, но тут же смягчилась. – Все пытаются дозвониться до тебя, солнышко. Мы с ума сходим от беспокойства.

– Прости, Кэролин, но я просто не могла...

Кэролин порывисто обняла подругу.

– Знаю. Но твои друзья хотят тебя видеть.

Дайана покачала головой:

– Нет. Я не...

– Дайана, жизнь Ричарда кончена, но твоя продолжается. Не отталкивай людей, которые тебя любят. Сажусь на телефон.

Друзья Дайаны и Ричарда продолжали звонить и приходить к ней домой, и Дайане волею неволей приходилось выслушивать банальные утешения и стандартные соболезнования.

– Думай о том, что Ричард почил в мире и сейчас на небесах...

– Господь призвал его, дорогая...

– Я точно знаю, Ричард сейчас в раю и смотрит на тебя...

– Он ушел в лучший мир...

– Присоединился к сонму ангелов...

Дайане хотелось кричать, но она сдерживалась.

Поток утешителей казался бесконечным. Пол Дикон, владелец художественной галереи, выставлявшей работы Дайаны, обнял ее и прошептал:

– Я пытался связаться с тобой. Но...

– Знаю, Пол, знаю.

– Мне так жаль Ричарда. Он был редким человеком и истинным джентльменом. Но, Дайана, ты не должна отгораживаться от жизни. Найди в себе силы идти дальше. Люди ждут твоих новых прекрасных картин.

– Не могу, Пол. Теперь это уже не важно. Все потеряло смысл. Я конченный человек.

Никакие доводы и уговоры не могли ее убедить.

Следующее утро прошло спокойно. Никто не приходил. Дайана уже с облегчением вздохнула, но тут раздался звонок в дверь. Дайана неохотно пошла открывать и, взглянув в глазок, увидела группу мальчишек. Удивленная, Дайана повернула ключ в замке и вопросительно уставилась на странных посетителей.

Один протянул ей небольшой букет роз:

– Доброе утро, миссис Стивенс.

– Спасибо, – кивнула она, неожиданно вспомнив, кто они. Члены команды Малой лиги, которую тренировал Ричард.

Вся квартира была заставлена корзинами цветов, завалена письмами с соболезнованиями, но этот подарок казался ей самым трогательным.

– Заходите, – пригласила Дайана.

Мальчики потянулись в комнату.

– Мы только хотели сказать, как нам плохо без него.

– Ваш муж был классным парнем.

– Самый крутой тренер.

– Мы будем его помнить.

На этот раз Дайана сдержала слезы.

– Спасибо. Он тоже считал вас классными парнями. И очень гордился вами. – Она глубоко вздохнула, стараясь взять себя в руки. – Хотите кока-колы или...

– Нет, спасибо, миссис Стивенс, – отказался Тим Холм, тот парнишка, что поймал трудный мяч. – Понимаете, мы очень скучаем без него. И все сложились на цветы. Они стоили двенадцать долларов.

– Да, и еще мы хотели сказать, что нам ужасно жаль.

– Спасибо вам, мальчики, – тихо повторила Дайана. – Я знаю, Ричард был бы рад вашему приходу.

Мальчики неловко попрощались и ушли.

Глядя им вслед, Дайана вспомнила, как впервые пришла на тренировку. Ричард говорил со своими подопечными так, словно был их ровесником, на языке, который они понимали. И за это школьники любили тренера.

В тот день я поняла, что влюбляюсь в него.

За окном загрохотал гром. Первые капли дождя ударили в стекло. Слезы Господни. *Дождь.* Совсем как в тот субботний день...

– Любите пикники? – спросил Ричард.

– Обожаю.

– Я так и знал! – обрадовался он. – Поэтому и решил пригласить вас на пикник. Ничего особенного, так, небольшая прогулка. Заеду за вами завтра в полдень.

День выдался на редкость солнечным и ясным. Ричард привел ее в Центральный парк, расстелил нарядное одеяло, вынул серебряные приборы и полотняные салфетки. Увидев,

что лежит в корзинке, Дайана рассмеялась. Ростбиф... ветчина... сыры... два больших паштета... разнообразные напитки и с полдюжины всяких десертов.

– Да этого хватит для небольшой армии! К нам придет кто-то еще?

Священник?! – неожиданно подумала она, заливаясь краской.

– С вами все в порядке? – всполошился Ричард.

В порядке? А я еще никогда не была так счастлива!

– Конечно, Ричард. Просто немного жарковато.

– Ну, это как раз и неплохо, – кивнул он. – А дожидаться армии мы не будем. Давайте лучше начнем.

Они ели и разговаривали. Обо всем на свете. И каждое слово, казалось, все больше их сближало. Сексуальное притяжение увеличивалось с каждой минутой. Крохотные молнии словно проскакивали между ними, и оба это чувствовали.

И вдруг небо в один миг затянуло тучами, и по траве ударили первые капли дождя. Они не успели оглянуться, как промокли до костей.

– Не повезло, – расстроился Ричард. – А синоптики обещали сухую погоду. Жаль, что пикник не удался...

Дайана придвинулась к нему и тихо спросила:

– Разве? Вы в самом деле так думаете?

Она так и не поняла, как оказалась в его объятиях. Он прижался губами к ее губам, и Дайана почувствовала, как тело наливается жаром.

Когда он наконец отстранился, она решительно сказала:

– Нужно немедленно избавиться от этой мокрой одежды.

– Ты права, – рассмеялся он. – Не хватало еще просту...

– К тебе или ко мне? – перебила Дайана.

Ричард мгновенно замер.

– Дайана, ты уверена? Я спрашиваю... потому что для меня это не просто приключение.

– Знаю, – спокойно кивнула Дайана.

* * *

Уже через полчаса они лихорадочно сбрасывали одежду в спальне Дайаны. Руки словно обрели собственную жизнь, глядя, лаская, исследуя потаенные местечки.

Не в силах больше ждать, Ричард и Дайана легли в постель. И началось волшебство. Ричард оказался нежным, чутким, страстным и пылким. Когда его язык медленно проник в ее рот, ей показалось, будто теплые волны медленно накатили на ее послушное, расслабленное, лежащее на бархатном песке тело. Он приподнялся над ней и вошел глубоко, наполняя ее.

Они провели остаток дня и почти всю ночь, тихо переговариваясь и любя друг друга, открывая свои сердца новому чувству и зная, что происходящее сейчас невозможно описать словами.

Утром, когда Дайана готовила завтрак, Ричард тихо подошел к ней и спросил:

– Ты выйдешь за меня, милая?

Она повернулась к нему и нежно ответила:

– О да!

Они поженились через месяц. Приглашенные уверяли потом, что свадьбы счастливее им не приходилось видеть. Родственники и друзья поздравляли новобрачных. Здесь царили тепло и искренность, и Дайана, глядя в сияющее лицо мужа, вспомнила о вздорном предсказании гадалки и улыбнулась.

Они собирались провести медовый месяц во Франции. Отъезд назначили через неделю, но на следующий день Ричард позвонил с работы:

– Милая, неожиданно появилась срочная работа. Новый проект. Я просто не могу сейчас уехать. Ничего, если мы полетим через несколько месяцев? Прости, крошка, мне очень жаль.

– Ничего страшного, дорогой. Это мы как-нибудь переживем.

– Не хочешь пообедать со мной сегодня?

– Конечно!

– Любишь французскую кухню? Я знаю потрясающий французский ресторан. Заеду за тобой через полчаса.

Ровно через тридцать минут Ричард уже был у дома.

– Привет, солнышко. Мне нужно проводить одного клиента в аэропорт. Он улетает в Европу. Попрощаемся с ним и поедем на ленч.

Вместо ответа Дайана обняла его.

В аэропорту Кеннеди клиента не оказалось.

– У него личный самолет, – пояснил Ричард. – Мы встречаемся с ним на взлетной полосе.

Охранник проводил их на огороженную часть летного поля, где уже стоял «Челленджер».

Ричард огляделся.

– Его еще нет. Подождем в самолете.

– Хорошо, – пожалала плечами немного удивленная Дайана.

Они поднялись в роскошный салон. Дайана отметила, что моторы работают.

Из кабины пилота вышел стюард:

– Доброе утро, мадам, месье.

Новобрачные поприветствовали его, и он прикрыл дверь кабины.

– Интересно, когда же появится твой клиент, – пробормотала Дайана.

– Совсем скоро, – начал Ричард, но рев моторов заглушил его голос. Самолет покатиł по взлетной полосе.

Дайана выглянула в окно и побледнела.

– Ричард, мы движемся.

– Уверена? – Ричард вскинул брови.

– Посмотри сам! – в панике вскрикнула Дайана. – Скажи... скажи пилоту...

– Что ему сказать?

– Чтобы остановился!

– Не могу. Он уже взлетает.

Последовало минутное молчание. Дайана широко раскрытыми глазами уставилась на Ричарда:

– Куда мы летим?

– О, разве я не говорил? В Париж, конечно. Ты сказала, что любишь французскую кухню.

Дайана ахнула, но тут же потрясенно всплеснула руками:

– Ричард, я не могу лететь в Париж! У меня даже зубной щетки нет! Ни одежды! Ни косметики! Ни...

– А я слышал, в Париже тоже есть магазины, – заметил Ричард.

Дайана бросилась ему на шею:

– Дурачок ты мой! Я же люблю тебя!

Ричард расплылся в улыбке:

– Ты хотела медовый месяц. Значит, так и будет.

Глава 5

В Орли их ждал лимузин. Новобрачных отвезли в отель «Плаза Атене».

– Мистер и миссис Стивенс, ваш «люкс» готов, – сообщил портье.

Они поднялись в триста десятый номер. Портье лично проводил их, а когда распахнул дверь, Дайана в изумлении остановилась на пороге. Стены были увешаны ее картинами.

– Я... – прошептала она, оборачиваясь к Ричарду. – Как это получилось?..

– Понятия не имею, – усмехнулся Ричард с невинным видом. – Думаю, у французов тоже вкус неплохой, как считаешь?

Дайана поцеловала его долгим, страстным поцелуем.

Париж казался ей сказочным королевством. Прежде всего они поехали в салон «Живанши», где закупили гору одежды. Потом завернули в «Луи Вюиттон» раздобыть чемоданы для нового гардероба. Отправили все в отель и не спеша побрели по Елисейским Полям к площади Согласия, осмотрев по пути Триумфальную арку, Бурбонский дворец и площадь Мадлен. Прошлись по Вандомской площади, провели день в Лувре. Долго гуляли по саду скульптур в музее Родена и засиживались за романтическими ужинами в уютных рестораничках.

Единственное, что несколько смущало Дайану, – это телефонные звонки, тревожившие Ричарда в самое неподходящее время.

– Кто это был? – не выдержав, спросила она как-то в три часа ночи.

– Да так, коллега, – коротко ответил муж.

Посреди ночи?!

– Дайана! Дайана!

Дайана тряхнула головой, возвращаясь из сказки в горестные будни.

Кэролин встревоженно трясла ее за плечи:

– Очнись! Что с тобой?!

– Я... все в порядке.

Кэролин порывисто обняла подругу.

– Тебе нужно время, чтобы хоть немного успокоиться. Прошло всего несколько дней. И кстати... – Она в нерешительности прикусила губу. – Ты отдала распоряжения насчет похорон?

Похороны. Самое грустное слово в английском языке. Словно несущее в себе отзвук смерти, эхо отчаяния.

– Я... я не смогла даже...

– Позволь мне помочь. Я выберу гроб и...

– Нет! – вырвалось у Дайаны. Куда резче, чем она ожидала.

Кэролин в недоумении нахмурилась.

– Разве не понимаешь? – спросила Дайана дрожащим голосом. – Это последнее, что я могу сделать для Ричарда. И хочу, чтобы его похороны были особенными. Чтобы все друзья собрались попрощаться с ним. Он тоже этого хотел бы.

– Дайана...

– Я должна сама выбрать гроб для Ричарда. Убедиться, что ему... ему будет удобно.

Кэролин промолчала. Да и что она могла сказать?

Днем, когда детектив Гринберг сидел в своем офисе, раздался звонок.

– Вас спрашивает Дайана Стивенс, – сказала секретарь.

О нет!

Еще слишком жива была в памяти та пощечина.

Что теперь? Очередной скандал?!

Он поднял трубку:

– Детектив Гринберг у телефона.

– Это Дайана Стивенс. Я звоню по двум причинам. Прежде всего хочу извиниться. Я вела себя отвратительно и искренне прошу прощения.

Гринберг от неожиданности растерялся.

– Вам совершенно ни к чему извиняться, миссис Стивенс. Я понимаю, что вам пришлось пережить.

Он ждал ответа, но Дайана молчала.

– Вы говорили о двух причинах, – напомнил он наконец.

– Да. Мой муж... – Ее голос прервался. – Тело моего мужа где-то в полицейском морге. Как мне его получить? Я... как быть с погребением? Похоронное бюро Долтона...

Отчаяние в ее голосе заставило его поежиться.

– Миссис Стивенс, боюсь, это пока невозможно. Сначала офис coronера должен представить отчет о вскрытии, потом необходимо уведомить различные... Впрочем... – Он немного подумал. – Послушайте, у вас и без того полно забот. Я все сделаю за вас. Только дайте мне два дня.

– О, я... я... спасибо. Большое спасибо... – задохнулась она, и связь прервалась.

Эрл Гринберг долго размышлял о Дайане Стивенс. О тех муках, которые ей приходится выносить. За что и почему? Что она сделала?

Тяжело вздохнув, он принялся улаживать формальности с выдачей тела Ричарда Стивенса.

Похоронное бюро и морг Долтона находились на восточной стороне Мэдисон-авеню. Печатающее двухэтажное здание было выстроено в южном стиле и напоминало дом плантатора. Обстановка была строгой, даже изысканной, с мягким освещением. Еле слышно шуршали светлые шторы и драпировки.

– У меня назначена встреча с мистером Джонсом. Я Дайана Стивенс, – представилась Дайана секретарю в приемной.

– Одну секунду, миссис Стивенс.

Девушка что-то тихо сказала в трубку. Почти сразу же открылась дверь, и директор, седовласый мужчина с приятным лицом, вышел навстречу Дайане.

– Я Рон Джонс. Мы с вами говорили по телефону. Поверьте, миссис Стивенс, я знаю, как трудно пережить это время. Наша обязанность и долг – снять с ваших плеч это бремя. Только объясните, чего желаете, и мы сделаем все, что в наших силах.

– Я... я сама не знаю, – нерешительно пробормотала Дайана.

Джонс кивнул.

– Позвольте мне объяснить. В наши услуги входит поставка гроба, поминальная служба для ваших друзей, оформление участка на кладбище и организация похорон, – перечислил он и, немного помявшись, добавил: – Судя по тому, что я прочел в газетах о смерти вашего мужа, миссис Стивенс, вы, вероятно, потребуете закрытый гроб для поминальной службы, так что...

– Нет! – вскрикнула Дайана с такой яростью, что Джонс удивленно вскинул голову.

– Но...

– Я хочу, чтобы гроб был открыт. Пусть Ричард... увидит всех друзей, перед тем как... – Она в отчаянии закрыла лицо руками.

Джонс сочувственно покачал головой:

– Понимаю. Что ж, тогда, если не возражаете... у нас есть свой визажист, она превосходно гримирует лица умерших, в случае, разумеется, – тактично добавил он, – настоятельной необходимости. Вы согласны?

Ричарду наверняка бы это не понравилось, но что поделать?

– Да, конечно.

– И еще одно. Нам понадобится одежда, в которой вы хотите похоронить мужа.

Дайана прикрыла рот рукой, словно ощущая холодные руки чужих людей, насилующие обнаженное тело Ричарда. Ее передернуло.

– Миссис Стивенс?

Дайана с трудом сглотнула.

Наверное, я должна была одеть Ричарда сама. Но я не смогу этого вынести. Не смогу смотреть на мертвого мужа. Я хочу вспоминать его...

– Миссис Стивенс?

– Я не подумала о... – прошептала она. – Простите.

Пошатываясь, она выбралась на улицу и остановила такси.

Мистер Джонс вздохнул и покачал головой.

Вернувшись домой, Дайана вошла в гардеробную комнату Ричарда и долго смотрела на два ряда костюмов. С каждым было связано дорогое воспоминание. В этом, рыже-вато-коричневом, Ричард был в художественной галерее в вечер открытия ее выставки. Там они встретились впервые.

Мне нравятся ваши изгибы. Они обладают изысканностью Россетти или Мане.

Может ли она избавиться от этого костюма? Ни за что!

Пальцы коснулись следующего, светло-серого, спортивного покроя, который Ричард надел на пикник. Тогда еще их застал дождь.

К тебе или ко мне?

...для меня это не просто приключение.

Знаю...

Как она может с ним расстаться?!

Костюм в тонкую полоску.

Любишь французскую кухню? Я знаю потрясающий французский ресторан...

Синий блейзер... замшевый пиджак...

Дайана обхватила руками голубой костюм и прижала к себе.

Я никогда не отдам их. Ни за что.

Каждая вещь память об их любви.

Не могу.

Всклипнув, она схватила первый попавшийся и выбежала из гардеробной.

На следующий день в ее голосовой почте появилось сообщение:

– Миссис Стивенс, это детектив Гринберг. Хотел дать вам знать, что все в порядке. Теперь ничто не помешает вашим планам. Мы направили тело в морг. – И после небольшой паузы: – Желаю вам всего хорошего. До свидания.

Дайана тут же позвонила Рону Джонсу:

– Насколько я поняла, вам уже привезли тело моего мужа.

– Да, миссис Стивенс. Я направил туда визажиста, и мы получили посланную вами одежду. Спасибо.

– Я подумала... а если мы назначим похороны на пятницу?

– Разумеется, миссис Стивенс. К этому времени мы успеем обо всем позаботиться. Одинадцать утра. Вам это подходит?

Через три дня мы с Ричардом разлучимся навеки. Или до тех пор, пока я не приду к нему.

Утром в четверг Дайана была занята подготовкой к похоронам, она проверяла длинный список приглашенных и тех, кому было назначено нести гроб, когда зазвонил телефон.

– Миссис Стивенс?

– Да.

– Это Рон Джонс. Хотел дать вам знать, что получил ваши распоряжения. Все требования исполнены.

– Распоряжения? – удивилась Дайана.

– Да. Рассыльный принес их вместе с вашим письмом.

– Я не посылала никакого...

– Откровенно говоря, я был немного удивлен, но ведь это было ваше решение. Час назад мы кремировали тело вашего мужа.

Глава 6

Келли Харрис была подобна фейерверку, расцветившему мир моды. Двадцативосьмилетняя афроамериканка, с кожей цвета расплавленного меда и лицом, которое можно было назвать мечтой любого фотографа, она к тому же была наделена умными, мягкими карими глазами, чувственными полными губами, изумительно длинными ногами и фигурой, так и излучавшей эротический призыв. Темные волосы были коротко острижены, только на лоб падало несколько длинных локонов. В начале этого года читатели журналов «Элль» и «Мадемуазель» провозгласили Келли самой красивой моделью мира.

Келли закончила одеваться и оглядела пентхаус, испытывая привычное чувство благоговения. Квартира была поистине впечатляющей, расположенной в одном из самых престижных кварталов Парижа, в Четвертом округе, на улице Сен-Луи-ан-Лиль. Двойные двери открывались в элегантный вестибюль с высокими потолками, стены были облицованы желтыми панелями. Гостиная была обставлена эклектично: французская старинная мебель дополнялась изделиями английских мастеров эпохи Регентства. С террасы, выходящей на реку, расстилась панорама острова Ситэ со знакомым силуэтом Нотр-Дам.

Келли с нетерпением ждала ближайшего уик-энда. Муж пообещал ей очередной сюрприз.

– В этот уик-энд, солнышко, оденься понаряднее. Вот увидишь, тебе понравится там, куда мы поедем.

Келли задумчиво улыбнулась. Лучше Марка нет никого на свете. Как же ей повезло в жизни!

Посмотрев на часы, она спохватилась и вскочила. Давно пора идти! Показ начинается через полчаса.

Через несколько минут она уже мчалась по коридору к лифту. В этот момент дверь соседней квартиры открылась, и из двери выкатилась мадам Жозетт Лапуан, маленький жизнерадостный колобок, у которого всегда находилось дружелюбное словечко для Келли.

– Доброе утро, мадам Харрис.

– Доброе утро, мадам Лапуан.

– Вы, как всегда, восхитительны.

– Спасибо, – кивнула Келли, нажав кнопку вызова лифта.

В двух шагах от них коренастый мужчина в рабочем комбинезоне проверял проводку. Мельком взглянув на женщин, он тут же отвел глаза.

– Как модельный бизнес? – осведомилась мадам Лапуан.

– Спасибо, неплохо.

– Обязательно приду как-нибудь на ваш показ.

– С радостью оставляю для вас билеты. Только предупредите.

Прибыл лифт, и, едва женщины вошли в кабину, мужчина в комбинезоне вынул маленькую рацию, что-то торопливо проговорил в нее и поспешно ушел.

Двери лифта стали медленно сдвигаться, и тут в квартире Келли раздался телефонный звонок. Келли колебалась. Конечно, нужно бы спешить, но вдруг это Марк!

– Поезжайте, я сейчас, – бросила она мадам Лапуан и, выскочив из лифта, стала рыться в сумочке. Нашла ключ, отперла дверь и бросилась к телефону.

– Марк?

– Нанетт? – прозвучал незнакомый голос.

Келли разочарованно вздохнула:

– Извините, вы не туда попали. Здесь таких нет.

– Простите, ошибся номером.

Ошибся номером.

Келли медленно положила трубку, и в этот момент оглушительный взрыв сотряс здание. Воздух наполнился отчаянными воплями и возбужденным гомоном. Келли в ужас метнулась в коридор узнать, что случилось. Внизу творилось нечто неопишное. Келли сбежала по лестнице и очутилась в вестибюле. Крики доносились из подвала.

Келли осторожно спустилась туда и потрясенно отшатнулась, увидев разбитую кабину лифта и изуродованное до неузнаваемости тело мадам Лапуан. Келли пошатнулась, теряя сознание, и едва не упала. Бедная женщина! Только сейчас она была жива и здорова, и вот... И она, Келли, могла лежать рядом с ней! Если бы не звонок...

Вокруг уже собралась целая толпа, и откуда-то издалека доносился вой сирен. Келли виновато подумала, что ей следовало бы остаться, но время не ждет. Показ вот-вот начнется.

– Мне так жаль, мадам Лапуан, – прошептала она, глядя на труп.

Не успела Келли войти в дверь Дома мод, как на нее набросился изнервничавшийся Пьер, координатор показа.

– Келли! Келли! Опаздываешь! Показ уже начался, и...

– Прости, Пьер. Я не могла раньше. Несчастный случай...

– Что? Ты пострадала? – ахнул молодой человек.

– Нет.

Келли на мгновение прикрыла глаза. Мысль о работе после того, что случилось только сейчас, вызвала тошноту. Но какой у нее выход?!

– Скорее, – умолял Пьер. – Vite!⁴

Келли направилась в костюмерную.

Самый престижный показ мод этого года проводился в знаменитом доме моды «Шанель» на рю Камбон, 31. Все передние ряды занимали папарацци. Свободных мест в зале не было. В самой глубине сгрудились те, кому не хватило кресел. Люди жаждали увидеть самые новые модели сезона. Зал был декорирован цветами и драпировками, но никто не обращал внимания на обстановку. Центр притяжения сосредоточился на длинном подиуме, именуемом на профессиональном жаргоне «языком»: непрерывный поток красок, демонстрация красоты и стиля. Где-то на заднем фоне тихо играла музыка: медленный, чувственный ритм, сопровождавший и подчеркивавший каждое движение девушек. Из динамика несся голос комментатора, дававшего краткие описания каждой модели.

Изящная брюнетка азиатского типа демонстрировала атласный, сшитый вручную жакет, креп-жоржетовые брюки и белую блузку, худенькая блондинка – черную кашемировую водолазку и белые полотняные карго⁵, высокая рыжеволосая особа – черную кожаную куртку и черные чесучовые брюки с белой трикотажной рубашкой.

Французская модель показала розовый жакет из ангоры на трех пуговицах, розовую вязаную водолазку и черные брюки с манжетами. Шведская – синий пиджак из мягкой шерсти и лиловую блузку из шармеза⁶...

Наконец наступил момент, которого ждали все. Шведка удалилась, и подиум опустел.

– А теперь, – объявил комментатор, – поскольку пляжный сезон вот-вот начнется, мы представляем нашу новую линию одежды для отдыха.

По залу пронесся взволнованный шепоток, и на самом пике всеобщего возбуждения появилась Келли в белом бикини – едва прикрывавшем высокую грудь лифчике и подчеркивавших красоту бедер трусиках. Пока она медленно плыла по подиуму, взгляды всех присут-

⁴ Скорее! (*фр.*)

⁵ Брюки свободного покроя с двумя накладными карманами сзади, двумя – по бокам и поясом на кулиске.

⁶ Тонкий шелк.

ствующих были прикованы к ней. Затем тишину разорвала нарастающая волна аплодисментов. Келли признательно улыбнулась, обошла подиум и исчезла.

За кулисами ее ожидали двое мужчин.

– Мадам Харрис, не могли бы вы уделить нам минуту?

– Извините, – вздохнула Келли, – но мне нужно срочно переодеться.

Но отойти ей не дали.

– Подождите, мадам! Мы из полиции. Я старший инспектор Дюн, а это инспектор Стену.

Нам нужно срочно поговорить с вами.

Келли остановилась.

– Полиция? А в чем дело?

– Ведь вы мадам Харрис, не так ли?

– Д-да, – насторожилась Келли. Ей отчего-то стало не по себе.

– К сожалению, мадам, должен сообщить, что ваш муж погиб вчера ночью.

У Келли мгновенно пересохло в горле.

– Мой муж? Но как?

– Очевидно, покончил с собой.

В ушах Келли стоял непрерывный рев. Голова кружилась так, что слова старшего инспектора едва до нее доносились.

– Эйфелева башня... полночь... записка... очень сожалеем... глубочайшее сочувствие...

Слова пролетали мимо, как нечто нереальное. Просто отдельные, несвязные, бессмысленные звуки.

– Мадам...

В этот уик-энд, солнышко, оденься понаряднее. Вот увидишь, тебе понравится там, куда мы поедем.

– Это... это какая-то ошибка, – выдавила Келли. – Марк ни за что бы...

– Мне очень жаль, – вздохнул старший инспектор, пристально глядя на Келли. – С вами все в порядке, мадам?

– Да.

Если не считать того, что моя жизнь закончилась.

К Келли уже летел Пьер с чудесным полосатым бикини.

– Дорогая, тебе нужно поскорее переодеться. Нельзя терять ни минуты, – затараторил он, сунув ей бикини. – Vite! Vite!!

Келли медленно опустила руки, уронив бикини на пол.

– Пьер!

– Что, дорогая? – удивился он.

– Надень его сам.

Домой Келли привезли в лимузине. Управляющий вознамерился было послать с ней сопровождающего, но Келли отказалась. Ей хотелось остаться одной. В вестибюле стояли консьерж, управляющий домом Филип Сандр и мужчина в комбинезоне, окруженные толпой жильцов.

– Бедная мадам Лапуан, – вздохнула какая-то женщина. – Какая кошмарная трагедия! Роковая случайность.

Мужчина в комбинезоне поднял два зазубренных отрезка тяжелого кабеля.

– Это не случайность, мадам. Кто-то испортил автоматический тормоз.

Глава 7

В четыре утра Келли все еще сидела в кресле, рассеянно глядя в окно. В ушах по-прежнему звучали голоса полицейских.

Мы из полиции... нам нужно срочно поговорить... Эйфелева башня... предсмертная записка... Марк мертв... Марк мертв... Марк мертв.

Эти слова стали погребальным плачем, бившимся в мозг Келли.

Ей казалось, что она вновь и вновь видит, как Марк летит вниз, вниз, вниз...

Келли порывисто протянула руки, чтобы поймать его за миг до того, как он ударится об асфальт.

Ты умер из-за меня? Я сделала что-то не так? Или не сделала? Сказала что-то? Не сказала? Я спала, когда ты ушел, дорогой, и не успела попрощаться. Поцеловать тебя. Сказать, как люблю. Как сильно ты мне нужен. Без тебя я не вынесу. Помоги мне, Марк. Помоги, как помогал всегда.

Она устало сжалась в кресле, вспоминая, как было раньше. До Марка, в те кошмарные дни ее молодости...

Келли родилась в Филадельфии. Она была незаконнорожденной дочерью Этель Хэкуорт, чернокожей горничной, работавшей на одну из самых известных в городе семей, главой которой был всеми уважаемый судья. В семнадцать лет Этель стала настоящей красавицей, и Пит, двадцатилетний привлекательный блондин, старший сын Тернеров, увлекся ею, соблазнил, и уже через месяц Этель поняла, что беременна.

Девушка во всем призналась возлюбленному.

– Это... чу-чудесно, – сказал тот и бросился к отцу сообщить плохие новости.

Наутро судья Тернер вызвал Этель к себе в кабинет и объявил:

– Я не позволю, чтобы в моем доме работали шлюхи! Вы уволены.

Не имея ни денег, ни образования, ни профессии, Этель нанялась уборщицей на завод и трудилась с утра до вечера, чтобы содержать себя и новорожденную дочь. За пять лет она скопила достаточно денег, чтобы купить обшарпанный, обшитый вагонкой дом, который затем превратила в пансион для мужчин. Дом состоял из гостиной, столовой, четырех маленьких спален и узкого крохотного чулана, где спала Келли.

С этого времени в доме постоянно появлялись и исчезали мужчины. Они вселялись, жили, снова уезжали, и все повторялось сначала.

– Это твои дядюшки, – объясняла Этель. – Не беспокой их. Ты должна вести себя тихо.

Келли радовалась, что у нее так много родственников, пока не подросла и не поняла: все они просто чужие люди. Когда ей исполнилось восемь, случилось непоправимое.

Она успела мирно заснуть в своем темном чуланчике. Разбудил ее громкий шепот:

– Ш-ш-ш. Попробуй только пикнуть!

Кто-то грубо задрал ее рубашонку, и не успела она опомниться, как один из «дядюшек» придавил ее к матрасу, зажал ладонью рот и рывком раздвинул ей ноги. Она пыталась сопротивляться, но неизвестный оказался слишком силен. Что-то твердое разорвало тело, и девочка задыхнулась от невыносимой боли. Он был беспощаден, вонзаясь в нее раз за разом, проникая все глубже, сдирая кожу. Келли почувствовала, как откуда-то изнутри хлынула теплая кровь. Неслышные крики рвались из груди. Она боялась, что лишится чувств в непроглядном мраке чулана.

Прошла целая вечность, прежде чем он наконец содрогнулся и встал.

– Я ухожу. Проговоришься матери, и я ее убью.

Насильник исчез.

Последующая неделя была почти невыносимой. Приходилось постоянно терпеть боль, но бедняжка мучилась, пока не стало немного легче. Очень хотелось рассказать матери обо всем, но она хорошо помнила угрозы безликого негодяя. Что, если он и вправду убьет маму?

На самом деле насильник мучил Келли не больше нескольких минут, но эти минуты навсегда изменили жизнь Келли. Из девочки, которая, как все ее сверстницы, мечтала о муже и детях, она превратилась в затравленную тень, считавшую себя грязной и опозоренной.

И еще кое-что изменилось.

После той ночи она стала бояться темноты.

Глава 8

Когда Келли исполнилось десять, Этель заставила ее помогать по дому и строго спрашивала за все, несмотря на то что порой работа была не по силам десятилетней девочке. Келли поднималась в пять утра, чтобы почистить туалеты, вымыть пол на кухне и помочь матери приготовить завтрак. После школы она стирала белье, вытирала пыль, подметала и вместе с матерью готовила ужин. Жизнь превратилась в утомительную, невыносимо тоскливую поденщину.

Келли была готова снять с материнских плеч хотя бы часть обязанностей в надежде на похвалу. Но слов ободрения и благодарности она так и не дождалась. Мать была слишком занята жильцами, чтобы уделять внимание дочери.

В детстве какой-то добродушный жилец прочитал Келли «Алису в Стране чудес», и она долго поражалась исчезновению Алисы в волшебной кроличьей норе. Позже она часто мечтала о таком способе бегства от действительности.

Вот что ей нужно: уйти от всего. Спрятаться в такую же норку. Невозможно провести всю жизнь за чистой туалетов, мытьем полов и уборкой после нерях постояльцев.

И вот однажды Келли нашла свою волшебную кроличью нору. Воображение – вот что ее спасло. Воображение, способное унести в любое место на земле. Она переписала свою жизнь...

Теперь у нее был отец, с таким же цветом кожи, как мать. Они никогда не сердились, не кричали на нее. И все жили в чудесном доме. Родители любили ее. Любили. Очень любили.

Келли было четырнадцать лет, когда мать вышла замуж за одного из постояльцев, бармена по имени Дэн Берк, мрачного, вечно всем недовольного ворчуна средних лет. Келли никак не могла ему угодить.

– Ужин паршивый...

– Это платье тебе не идет.

– Жалюзи в спальне по-прежнему сломаны. Я же велел тебе починить...

– Ты плохо вычистила туалеты...

Ко всему прочему, отчим Келли сильно пил. Перегородка между чуланом Келли и спальней матери была очень тонкой, и ночь за ночью девочка слышала звуки ударов и вопли.

Теперь по утрам на лице Этель неизменно красовался толстый слой косметики, не скрывавший, однако, синяков и подбитых глаз.

Келли была в отчаянии. Ей казалось, что им с матерью необходимо немедленно уехать из этого города. Туда, где они будут жить спокойно и в мире.

Она была уверена, что мать ее любит, но как-то вечером услышала, как отчим раздраженно допрашивает мать:

– Почему же ты не избавилась от девчонки, когда еще было можно?

– Я пыталась, Дэн, – оправдывалась та, – но ничего не вышло.

Келли задохнулась, как от пощечины. Значит, мать с самого начала не хотела ее?

Никому она не нужна...

Вскоре она открыла для себя еще один способ преодолеть нескончаемое уныние ее жизни: мир книг. Келли стала заядлой читательницей и все свободное время проводила в городской библиотеке. В конце недели, когда денег совсем не оставалось, она нанималась сидеть с детьми, завидуя счастливым семьям. У нее самой никогда не будет ничего подобного!

Семнадцатилетняя Келли удивительно напоминала красотой мать. Мальчики в школе не давали ей покоя, донимая приглашениями на свидания. Но Келли было противно смотреть на них. Поэтому она всегда отказывалась.

По субботам, когда не было занятий, Келли, закончив работу по дому, бежала в библиотеку и весь день проводила за книгами.

Библиотекарша, миссис Лайза Мэри Хьюстон, умная, образованная, всегда скромно одетая женщина, подметила, как нелегко живет Келли, и старалась ободрить и приласкать девочку. Миссис Хьюстон была весьма наблюдательна. В конце концов ей стало интересно, почему такая изящная, красивая девушка часами просиживает в читальном зале и ничем другим не интересуется.

Как-то она осторожно заметила:

– Мне очень приятно видеть, что такая молодая девушка любит книги. Вы так много времени проводите здесь.

Келли приняла это как предложение дружбы. По мере того как шли недели, девушка открывала библиотекарше свои страхи, надежды и мечты.

– Кем бы ты хотела стать, Келли? – допытывалась та.

– Учительницей.

– Думаю, из тебя выйдет прекрасный педагог. Это самая благодарная профессия в мире.

Келли хотела что-то сказать, но осеклась, вспомнив разговор за завтраком неделю назад. Тогда она призналась матери и отчиму, что хочет поступить в колледж и стать учительницей.

Учительница? Берк засмеялся. Что за идиотская мысль? Хочешь всю жизнь считать медяки? Все учителя нищие! Поняла? Нищие! Даже за мытье полов больше платят. Да и все равно у нас с твоей старушкой нет денег, чтобы послать тебя в колледж.

Но мне предложили стипендию, и...

И что? Хочешь зря потратить четыре года жизни? Забудь. С такой-то мордочкой? Лучше бы вышла на панель, покрутила задницей перед мужиками, глядишь, и заработала бы пару сотен.

Келли молча встала и вышла из-за стола.

И вот теперь она, не выдержав, пожаловалась миссис Хьюстон:

– Они не пускают меня в колледж. Что теперь делать? – И, всхлипнув, добавила: – Неужели придется до конца дней заниматься тем же, что и сейчас?

– Ну конечно, нет, – решительно сказала миссис Хьюстон. – Сколько тебе лет?

– Через три месяца будет восемнадцать.

– Значит, ты достаточно взрослая, чтобы самой принимать решения. Ты очень красива, Келли, неужели не видишь?

– Нет. То есть... не совсем.

Как признаться, что я чувствую себя уродиной? Мерзкой, противной уродиной?

– Я ненавижу свою жизнь, миссис Хьюстон. И не хочу быть, как моя... Мне нужно уехать из этого города. Я мечтаю о чем-то другом, но никогда не смогу получить это здесь. Тут мне не представится возможность сделать что-то значительное. Стать кем-то значительным.

Она тщетно пыталась скрыть слезы.

– Келли...

– Мне не следовало читать все эти книги, – с горечью бросила девушка.

– Почему?

– Потому что в них полно вранья. Все эти прекрасные люди, необыкновенные страны и волшебство... – Келли покачала головой. – Нет никакого волшебства.

Миссис Хьюстон немного помолчала. Что ж, очевидно, у бедной девочки крайне понижена самооценка.

– Келли, волшебство действительно существует, но волшебником должна быть ты сама. И тогда все будет как ты пожелаешь.

– Неужели? – цинично усмехнулась Келли. – Каким же образом?

– Прежде всего ты должна уяснить, о чем мечтаешь. Насколько я поняла, ты хочешь вести жизнь, наполненную встречами с интересными людьми и поездками в дальние страны. Когда придешь сюда в следующий раз, я расскажу, что нужно сделать, чтобы мечты стали явью.

Лгунья.

Через неделю после окончания школы Келли вернулась в библиотеку.

– Помнишь, – спросила миссис Хьюстон, – что я сказала насчет волшебства? Каждый сам себе волшебник.

– Ну да, – скептически пробормотала Келли.

Миссис Хьюстон полезла в стол и вытащила стопку журналов: «Космогерл», «Севентин», «Гламур», «Мадемуазель», «Эссенс», «Аллюр»...

Она протянула их Келли.

– И что мне с этим делать? – удивилась та.

– Ты никогда не думала стать моделью?

– Нет.

– Просмотри эти журналы. А потом скажи: не возникло у тебя никаких идей, которые помогут волшебству стать частью твоей жизни?

Наверное, миссис Хьюстон искренне желает ей добра. Но что она понимает в ее жизни?!

– Спасибо, миссис Хьюстон. Обязательно, – кивнула она, тут же решив, что на следующей неделе начнет искать работу.

Все же Келли захватила журналы с собой, сунула дома в угол и мгновенно о них забыла. Весь вечер она скребла полы и чистила ванны, а потом, ложась в постель, вдруг вспомнила про журналы. Взяла первый попавшийся, пролистала без особого любопытства, потом заглянула во второй, в третий... И словно попала в иной мир, где властвовали ослепительно красивые, чудесно одетые модели, разгуливавшие под руку с элегантными мужчинами по улицам Лондона, Парижа, Рима... Келли внезапно страшно захотелось оказаться на их месте. Поспешно накинув халат, она вошла в ванную комнату и встала перед зеркалом. Наверное, она и в самом деле привлекательная. Все так говорят. Но даже если это и правда, у нее нет опыта!

Потом она подумала о будущей жизни в Филадельфии и снова посмотрелась в зеркало.

Всем пришлось с чего-то начинать. Стань волшебницей. Твори свое собственное волшебство.

Рано утром Келли побежала в библиотеку.

Миссис Хьюстон удивленно вскинула глаза. Обычно Келли приходила куда позже.

– Доброе утро, Келли. Успела просмотреть журналы?

– Да. – Келли глубоко вздохнула. – Мне хотелось бы попытаться стать моделью. Беда в том, что я не знаю, с чего начать.

Миссис Хьюстон улыбнулась:

– Зато знаю я. Вчера я достала нью-йоркский телефонный справочник. Ты говорила, что хочешь уехать из города? – Миссис Хьюстон вынула из сумочки лист бумаги и протянула Келли. – Здесь список двенадцати лучших модельных агентств на Манхэттене с адресами и номерами телефонов, – сообщила она, дружески сжимая руку Келли. – Начни с первого.

– Я... я не знаю, как благодарить... – растерялась Келли.

– А я знаю. Пусть твои снимки появятся во всех этих журналах.

* * *

Этим же вечером за ужином Келли объявила:

– Я решила стать моделью.

Отчим презрительно фыркнул:

– Очередная глупость! Слушать тошно. Какого черта ты выламываешься? Все модели – грязные шлюхи.

– Келли, не повторяй моих ошибок, – вздохнула мать. – Я в свое время тоже была ослеплена ложными мечтами. Они тебя убьют. Ты нищая. И к тому же черная. Таким, как ты, нигде хода нет.

Именно в этот момент Келли приняла окончательное решение.

Она встала в пять утра, сложила вещи и направилась к автобусной остановке. В сумочке лежало двести долларов, которые она заработала, сидя с чужими детьми.

По дороге в Нью-Йорк Келли неустанно строила планы на будущее. Неужели она станет профессиональной моделью? Только вот «Келли Хэкуорт» как-то не звучит. Ничего, она вообще не станет называть свою фамилию. Только имя.

Она снова и снова мысленно повторяла:

Келли. Это наша топ-модель Келли!

И слышала гром аплодисментов.

Она остановилась в дешевом мотеле и в девять утра уже вошла в первое по списку модельное агентство. На лице не было и следа косметики. Платье помялось в автобусе, но Келли было негде его погладить.

В приемной никого не оказалось. Она заглянула в кабинет, где мужчина средних лет быстро строчил что-то в блокноте.

– Извините, – робко произнесла Келли.

Мужчина что-то буркнул, но не поднял головы.

Келли, поколебавшись, продолжила:

– Я хотела спросить, не нужны ли вам модели?

– Нет, – отмахнулся мужчина, – мы никого не нанимаем.

– Спасибо, – вздохнула Келли, поворачиваясь к двери.

Мужчина вскинул глаза, и выражение его лица мгновенно изменилось.

– Погодите! Погодите минуту! Вернитесь! – завопил он, вскакивая. – Господи! Откуда вы взялись?

Келли озадаченно нахмурилась:

– Филадельфия.

– То есть... не важно. Никогда не работали на подиуме?

– Нет.

– Не важно. Научитесь в процессе работы.

Келли потеряла дар речи.

– Это означает, что... что я принята? – все же сумела спросить она.

– Еще бы! – ухмыльнулся мужчина. – Наши клиенты с ума сойдут, когда вас увидят!

Она не верила своим ушам. Одно из самых известных модельных агентств, и все же...

– Меня зовут Билл Лернер. Я директор этого агентства. А вас как зовут?

Именно об этом миге она мечтала. О миге, когда она впервые назовется новым, профессиональным, именем.

– Вы что – не знаете своего имени? – Лернер смотрел на нее с удивлением.

Келли выпрямилась и уверенно объявила:
– Конечно, знаю. Келли Хэкуорт.

Глава 9

Шум низко летевшего самолета вызвал улыбку на губах Лоис Рейнолдс. *Гэри*. Что-то он запаздывает. Лоис предлагала встретить его в аэропорту, однако Гэри сказал:

- Не стоит беспокоиться, сестренка. Я возьму такси.
- Но, Гэри, я буду рада...
- Лучше оставайся дома и жди меня.
- Как скажешь, братец.

Брат был самым важным человеком в ее жизни. Детство и юность в Келоуне были сплошным кошмаром. Едва ли не с самых первых лет жизни Лоис чувствовала, что весь мир ополчился на нее: модные журналы, шикарные модели, кинозвезды... И все потому, что она всегда была немного пухленькой. Где записано, что пышные девушки не могут быть так же красивы, как тощие особы болезненного вида?

Лоис Рейнолдс постоянно изучала свое отражение в зеркале. Длинные светлые волосы, голубые глаза, тонкие черты лица и то, что она считала приятной полнотой.

Не стесняются же мужчины нависающих над брюками животов! И никто слова им не говорит! Но стоит женщине набрать несколько фунтов, и она превращается в предмет насмешек! Какой идиот мужского пола решил, что идеальные параметры женской фигуры – 90–60–90?!

Сколько Лоис помнила себя, сверстники дразнили ее «толстозадой», «хрюшкой», «свинкой». И каждое прозвище глубоко ранило. Но рядом всегда был Гэри. Ее защитник.

К тому времени как Лоис окончила университет в Торонто, ей до смерти надоели издевки.

Если мистер Чудо ищет настоящую женщину, вот она я.

И однажды, совершенно неожиданно, как бывает в романах, мистер Чудо появился. И звали его Генри Лоусон. Они встретились на церковном собрании, и Лоис мгновенно потянуло к нему. Он был высоким худым блондином с жизнерадостным видом, мягким характером и безупречными манерами. Его отец был священником. Они провели вечер вместе, и Лоис узнала, что ее новый знакомый любит природу и детей и организовал частные детские ясли, куда родители с радостью отдавали своих отпрысков.

– Если вы не слишком заняты завтра вечером, я бы хотел пригласить вас на ужин, – сказал он наконец, и Лоис без колебаний согласилась.

Генри повел ее в популярный ресторан «Сассафрас», один из лучших в Торонто. Но Лоис, стараясь не обращать внимания на соблазнительные названия блюд в меню, заказала легкий ужин. Не дай Бог, Генри посчитает ее обжорой.

Заметив, что она ничего не ест, кроме салата, Генри всполошился:

- Вы не больны? Разве этого достаточно для такой женщины, как вы?
- Я сижу на диете, – солгала Лоис.

– Но я не хочу, чтобы вы худели, – возразил Генри, кладя ладонь на ее руку. – Мне вы нравитесь сейчас.

Приятная дрожь прошла по телу Лоис. Генри был первым мужчиной, который ей сказал такое!

- Я закажу вам стейк, картофель и салат «Цезарь», – решил Генри.

Какое счастье – наконец обрести мужчину, который не только понимал, но и одобрял ее аппетит!

Следующие несколько недель слились в восхитительную цепь свиданий. К концу месяца Генри признался ей в любви и попросил выйти за него замуж.

А Лоис была почти уверена, что никогда в жизни не услышит этих слов!

– Я тоже люблю тебя, Генри, – прошептала она, обнимая его. – И хочу стать твоей женой.

* * *

Через пять дней они поженились. Венчание состоялось в церкви отца Генри. Он и провел церемонию в присутствии Гэри и немногочисленных друзей. Лоис впервые в жизни была так счастлива.

– Где собираетесь проводить медовый месяц? – спросил преподобный Лоусон, когда новобрачные поцеловались.

– Озеро Луиза, – пояснил Генри. – Там такая романтическая обстановка.

– Идеальное место для медового месяца, – согласился отец.

Генри обнял жену за плечи:

– Надеюсь, вся наша жизнь отныне станет сплошным медовым месяцем.

Лоис была на седьмом небе от счастья.

Они уехали в свадебное путешествие сразу же после венчания. Озеро Луиза считалось жемчужиной живописного оазиса в национальном парке «Банф», в самом сердце канадской части Скалистых гор. Новобрачные прибыли на место во второй половине дня, когда солнечные лучи весело играли на спокойной поверхности воды.

– Ты голодна? – спросил Генри, едва они вошли в гостиничный номер.

Она посмотрела ему в глаза и улыбнулась:

– Ничуть.

– Я тоже. В таком случае почему бы нам не раздеться?

– О да, дорогой.

В считанные минуты одежда была раскидана по всей комнате, и Генри, уложив Лоис в постель, стал ее ласкать. Это было замечательно. Необыкновенно. Восхитительно.

– О, дорогой, как я люблю тебя, – шептала Лоис.

– Я тоже люблю тебя, – кивнул Генри, но почему-то встал с кровати.

– А теперь мы должны искупить грехи плоти.

– Что? – растерялась Лоис.

– Встань на колени.

– Разве ты еще не устал, дорогой? – рассмеялась она.

– Встань на колени, – сухо повторил Генри.

Лоис недоумевающе пожала плечами, но подчинилась:

– Хорошо.

К полному ее удивлению, он вынул из пояса брюк толстый ремень, подошел к ней и, не успевшая она сообразить, что происходит, сильно хлестнул ремнем по ее голым ягодицам.

Лоис вскрикнула и попыталась встать.

– Что ты...

Но он с силой надавил ей на плечи и вернул на место.

– Я же сказал, дорогая, мы должны искупить грехи плоти.

Он размахнулся и снова опустил ремень на ее зад.

– Прекрати! Прекрати! – взвизгнула она.

– Не шевелись! И не вздумай бежать! – прикрикнул он.

Лоис попыталась сопротивляться, но Генри придержал ее одной рукой, не переставая усердно работать другой. Лоис казалось, что с нее заживо сдирают кожу.

– Генри! Бог мой! Не смей.

Наконец Генри отошел и глубоко вздохнул:

– Ну вот, теперь все хорошо.

Каждое движение причиняло Лоис невыносимые муки. Кожа лопнула во многих местах, и из трещин сочилась кровь. Она не помнила, как ей удалось подняться. Говорить она не могла. Могла только с ужасом смотреть на мужа.

– Секс – страшный грех, – спокойно пояснил тот.

Лоис бессильно качнула головой, все еще не в состоянии говорить, не веря в случившееся.

– Подумай об Адаме и Еве. С них началось грехопадение, – продолжал Генри.

Лоис громко зарыдала, по-детски всхлипывая.

– Ничего, родная, все хорошо, – прошептал он, обнимая ее. – Поверь, все пройдет. Я тебя люблю.

– Я... я тоже тебя люблю, – неуверенно произнесла она, – но...

– Не волнуйся. Мы победили грех.

Лоис мгновенно успокоилась, посчитав, что все уже позади и больше не повторится.

Наверное, он, как сын священника, считает греховными даже супружеские объятия.

Но слава Богу, все это закончилось. Навсегда.

Генри прижал ее к себе и стал укачивать, как ребенка.

– Я так тебя люблю. Мы всегда будем вместе. А теперь давай пойдем ужинать.

Придя в ресторан, Лоис опустилась на стул, но тут же подскочила. Сидеть было почти невозможно. Она едва сдерживала стон, но попросить подушку постыдилась. Мысль о том, что официант откроет правду, была невыносимой.

– Я сам закажу, – предложил Генри и попросил салат для себя и плотный ужин для жены, объяснив это тем, что ей нужно поддерживать силы.

Даже за едой Лоис не оставляли мысли о том, что сделал с ней Генри. Нет, он не желал ей зла. Ее муж – лучший на свете человек. Ничего не скажешь, его религиозное рвение удивило ее, но что поделать, у каждого свои недостатки. Во всяком случае, больше ничего подобного ей терпеть не придется. Отныне вся ее жизнь будет посвящена этому мужчине. Она не сомневалась, что и он будет так же трогательно о ней заботиться.

Напоследок Генри заказал дополнительный десерт для Лоис, и когда та стала отказываться, покачал головой:

– Я люблю, когда женщины много.

– Я рада, что нравлюсь тебе, – улыбнулась она.

После ужина Генри предложил подняться в номер, и Лоис с радостью согласилась. Он снова ее раздел, обнял, и боль, казалось, исчезла как по волшебству. Он любил Лоис нежно, страстно и пылко, и она утонула в океане наслаждений.

– Как чудесно! – призналась она, обнимая мужа.

– О да, – согласился он, – но теперь мы должны покаяться в плотском грехе. Становись на колени.

Ночью, когда Генри заснул, Лоис потихоньку собрала вещи и ушла. Села на самолет до Ванкувера и уже оттуда позвонила Гэри. За ленчем она рассказала брату о своей недолгой супружеской жизни.

– Я подаю на развод. Но придется уехать из города.

Гэри, немного подумав, согласился, что ей лучше больше не встречаться с мужем.

– У меня есть приятель, владелец страховой компании в Денвере, – вспомнил он. – Это полторы тысячи миль отсюда.

- Идеальное расстояние.
- Значит, я поговорю с ним.

Через две недели Лоис уже работала менеджером в страховой компании. Но Гэри никогда не забывал сестру: постоянно звонил и навещал. Она купила маленькое очаровательное бунгало с видом на Скалистые горы, и время от времени брат гостил у нее. Они прекрасно проводили время: катались на лыжах, рыбачили или просто сидели на веранде и разговаривали. Гэри уверял, что гордится сестрой, и Лоис тоже гордилась успехами брата. Он получил степень доктора наук, работал в международной корпорации и был увлеченным пилотом-любителем.

Из задумчивости Лоис вывел стук в дверь. Она выглянула в окно, но у входной двери стоял не Гэри, а Том Хьюбнер, высокий блондин с грубоватым лицом, пилот чартерного самолета. И друг Гэри.

Лоис широко распахнула дверь:

– Привет, Том! Входи, что ты там стоишь?

– Лоис, я...

– Гэри еще нет. Но по-моему, несколько минут назад я слышала шум его самолета.

Он будет с минуты на минуту. Хочешь подождать или...

Том как-то странно смотрел на нее.

– Ты не видела по телевизору новости?

– Нет. А что случилось? Надеюсь, не какая-нибудь очередная война?

– Лоис, произошло несчастье. Большое несчастье. Это Гэри, – выдал Том.

Лоис оцепенела.

– Что... что с Гэри?

– Его самолет упал в горах. Гэри погиб.

Свет в ее глазах медленно гас. Как в кинотеатре перед началом фильма. Она стала задыхаться.

– Как... как... как... – повторяла она, судорожно ловя ртом воздух.

Том взял ее за руку и осторожно усадил на диван.

Лоис судорожно сжала руки.

– Что... как это случилось?

– Самолет Гэри врезался в склон горы в нескольких милях от Денвера.

– Прости, Том, но я хотела бы остаться одна, – едва слышно произнесла Лоис.

– Ты уверена? – встревожился он. – Я мог бы...

– Спасибо, но, пожалуйста, уходи.

Том Хьюбнер нерешительно помялся, но все же кивнул.

– Мой телефон у тебя есть. Позвони, если понадобится.

Лоис не слышала, как он ушел. Просто сидела, бесцельно глядя в никуда. Больше ей не для чего жить. Словно кто-то сообщил, что умерла она. У нее не было защитника, кроме Гэри. Как отчаянно он дрался с мальчишками, дразнившими ее в детстве! А когда оба подросли, водил на бейсбольные матчи, в кино и на вечеринки. В последний раз они виделись неделю назад. Сейчас пленка времени словно отмоталась назад, и перед полными слез глазами Лоис прокручивался фильм недельной давности.

...Они сидели за обеденным столом, и Лоис, встревоженная тем, что брат осунулся, тихо вздыхала.

– Ты ничего не ешь, Гэри.

– Все очень вкусно, сестричка, я просто не голоден.

Лоис озабоченно нахмурилась:

– Хочешь поговорить?

– Ты всегда все про меня знаешь, верно?

- Это имеет какое-то отношение к твоей работе.
- Да. – Он оттолкнул тарелку. – Думаю, моя жизнь в опасности.
- Что? – растерялась Лоис.
- Сестричка, только шесть человек в мире знают о том, что происходит. Я вернусь в следующий понедельник и переночую у тебя. Во вторник утром я поеду в Вашингтон.
- Но почему именно в Вашингтон? – удивилась Лоис.
- Рассказать о «Приме».
- И Гэри объяснил все.

* * *

Теперь Гэри мертв. Он предупредил ее, что его жизнь в опасности. Брат не погиб. Его убили.

Лоис взглянула на часы. Сейчас слишком поздно что-то предпринимать, но утром одним телефонным звонком она отомстит за смерть брата. Завершит то, что намеревался сделать Гэри.

Она вдруг разом лишилась сил и едва сумела подняться с дивана. Смутно припомнила, что не ела целый день, но при мысли о еде становилось тошно.

Спотыкаясь, она побрела в спальню и упала на постель, слишком измученная, чтобы раздеться. И долго лежала в оцепенении, прежде чем провалилась в сон.

Ей приснилось, что они с Гэри мчатся в скором поезде и все пассажиры вагона дружно курят. Становилось все жарче, и Лоис закашлялась. От кашля она проснулась, села и открыла глаза. И потрясенно огляделась. Спальня была в огне. Оранжевые языки ползли по занавескам, воздух был сизым от дыма.

Лоис, задыхаясь, выбралась из кровати. Ей удалось пробраться в гостиную, но и там ее встретили огонь и дым. Лоис сделала несколько шагов к двери, но ноги подкосились, и она упала на пол.

Последнее, что увидела Лоис Рейнолдс, – пламя, жадно лизавшее ковер. Подбиравшееся к ней.

Глава 10

Для Келли события разворачивались с головокружительной скоростью. Она быстро усвоила азы, а потом и тонкости модельного бизнеса: агентство устроило ее на специальные курсы, где опытные преподаватели учили ее манерам, правильной осанке, походке и созданию нужного имиджа. Главным в работе модели была так называемая социальная установка, но Келли постоянно приходилось играть, как на сцене, поскольку она не чувствовала себя ни красивой, ни желанной.

Понятие «мгновенная сенсация», казалось, было изобретено специально для Келли. Она буквально излучала чувственность, но при этом, как ни странно, ее словно окружала аура недоступности, и это было как откровенный вызов мужчинам. Всего через два года Келли оказалась в списке лучших топ-моделей мира и рекламировала товары во многих странах. Но больше всего времени проводила в Париже, где жили самые важные клиенты агентства.

Однажды после показа мод в Нью-Йорке и перед очередной поездкой в Париж Келли решила навестить мать и поразилась, насколько та постарела и опустилась. Келли решила немедленно увезти ее из Филадельфии, купить приличную квартиру и позаботиться о том, чтобы мать больше не знала нужды.

Мать, похоже, обрадовалась приезду дочери и ее успехам. Почти счастливая улыбка озарила потускневшее лицо.

– Ты многого добилась, Келли, – признала она. – И спасибо за ежемесячные чеки.

– Не за что, мама. Мне не трудно. Но я хотела поговорить о другом. У меня есть план. Я все обдумала. И хочу, чтобы ты уехала со...

– Ба, кто это к нам пожаловал! Ее высочество, сама принцесса! – заорал некстати ввалившийся отчим. – Что это ты тут делаешь? Залетела в наши трущобы, вместо того чтобы расхаживать в шикарных платьях! Или уже вышвырнули пинком под зад?

Келли поняла, что придется отложить разговор до другого раза.

В этом городе у нее было еще одно дело. Она отправилась в библиотеку, где провела столько чудесных часов, и, войдя в дверь со стопкой журналов под мышкой, обуреваемая светлыми воспоминаниями, искала глазами ту, которой была обязана всем. Но миссис Хьюстон за столом не оказалось. Келли прошла в хранилище и увидела библиотекаршу у стеллажей. И не поверила своим глазам. Ее старая знакомая совершенно преобразилась. Изящная, в модном, дорогом платье, она деловито расставляла книги на полках. При звуке открывшейся двери миссис Хьюстон обернулась и ахнула.

– Келли! – почти взвизгнула она. – О, Келли!

Они крепко обнялись.

Наконец миссис Хьюстон отстранилась и взглянула на Келли:

– Что ты делаешь в Филадельфии?

– Приехала навестить маму, и вас тоже.

– Я так горжусь тобой! Не представляешь, насколько сильно!

– Миссис Хьюстон, помните, я когда-то спросила, чем могу отблагодарить вас? Вы ответили, что лучшей благодарностью будут мои снимки в журналах. Это вам.

И Келли вложила всю стопку журналов в руки миссис Хьюстон. Тут были «Эль», «Космополитен», «Мадемуазель» и «Вог». И на обложке каждого была Келли.

– Я так счастлива! – просияла миссис Хьюстон. – Но хочу кое-что тебе показать.

Она подошла к столу, нагнулась и вытащила груды таких же журналов.

Келли смутилась.

– Господи, я никогда не смогу отблагодарить вас как следует! Ведь именно вы изменили мою жизнь!

– Нет, Келли, ты сама изменила свою жизнь. Понадобился лишь небольшой толчок. И этот толчок – дело моих рук. Больше ничего. Кстати, Келли...

– Что?

– Только благодаря тебе я тоже стала следить за собой.

Поскольку Келли больше всего на свете ценила уединение, слава иногда казалась обременительной. Мало того что ее постоянно осаждали толпы назойливых фотографов и репортеров, так у нее еще постепенно развилось нечто вроде фобии к встречам с незнакомыми людьми. Она терпеть не могла, когда очередной почитатель пытался с ней познакомиться. Ей нравилось быть одной.

Как-то она обедала в ресторане «Ле-Сен» отеля «Георг V». Какой-то уныло одетый мужчина, проходя мимо столика, неожиданно остановился и уставился на нее. Келли заметила в его руке экземпляр «Элль», открытый на странице с ее фото.

– Простите, – пробормотал незнакомец.

Келли раздраженно поморщилась:

– В чем дело?

– Я видел ваши... прочитал статью о вас, и там говорится, что вы родились в Филадельфии, – с энтузиазмом пояснил мужчина. – Я тоже там родился, и когда увидел снимки, почувствовал себя так, словно мы давно знакомы.

– Вы ошиблись, – холодно обронила Келли. – Кроме того, я не люблю, когда посторонние меня беспокоят.

– О... простите, – поперхнулся он. – Я не хотел... я не чужой... то есть меня зовут Марк Харрис, и я работаю в «Кингсли интернэшнл». Вот увидел вас здесь... и подумал... а вдруг вы не любите обедать одна, и я мог бы составить вам компанию...

Келли окинула его уничтожающим взглядом:

– Спасибо, не стоит. А теперь я попросила бы вас уйти.

– Я... я не хотел вам мешать, – заикаясь, уверял он. – Просто... – Но, увидев выражение ее лица, отступил: – Я ухожу.

Келли проводила взглядом странного поклонника. Что ж, скатертью дорога!

Предстояла неделя показов для нескольких модных журналов. На следующий день после встречи с Марком Харрисом, когда Келли меняла в гардеробной очередное платье, посыльный доставил три дюжины роз с карточкой, на которой было написано:

«Пожалуйста, простите за то, что побеспокоил вас.

Марк Харрис».

Келли разорвала карточку и потребовала отвезти цветы в детскую больницу.

Утром кастелянша вошла в гардеробную с пакетом странной формы.

– Какой-то мужчина оставил это для тебя, Келли.

В пакете оказалась одинокая орхидея с такой же карточкой.

«Надеюсь, я прощен.

Марк Харрис».

Обрывки карточки полетели в корзину.

– Можете оставить цветок себе.

После этого подарки прибывали почти ежедневно: корзинка с фруктами, игрушечный Санта-Клаус, забавный брелок. Все они разделили судьбу злосчастной карточки. Но следую-

щий подарок оказался полной неожиданностью: это был очаровательный щенок, французский пудель, умильно вилявший хвостом. Вокруг шеи был повязан красный бантик, с которого свисала очередная карточка:

*«Это Энджел. Надеюсь, вы полюбите ее так же, как я.
Марк Харрис».*

Келли позвонила в справочное бюро и узнала номер телефона «Кингсли интернэшнл групп». Дождавшись ответа телефонистки, Келли спросила:

– Скажите, у вас работает Марк Харрис?

– *Oui, mademoiselle*⁷.

– Не могла бы я поговорить с ним?

– Минуту.

Вскоре в трубке послышался знакомый голос:

– Аллю?

– Мистер Харрис?

– Да.

– Это Келли. Я решила принять ваше приглашение на ленч.

На другом конце провода повисло молчание.

– Правда? – выдавил наконец Харрис. – Это... я ужасно рад!

– «Лоран», сегодня, в час.

– О да, конечно. Огромное спасибо. Я...

– Я закажу столик. До свидания.

Когда Келли со щенком в руках вошла в ресторан, Марк уже ждал ее у столика. Он просял:

– Вы... вы пришли! Я не был уверен... но вы и Энджел принесли!

– Именно, – кивнула Келли, протягивая ему собаку. – Надеюсь, она составит вам достойную компанию. Приятного аппетита.

Она повернулась и направилась к двери.

– Не понимаю, – растерялся Марк. – Я думал...

– Что ж, пожалуй, объясню в последний раз, – отчеканила Келли. – Я хочу, чтобы вы перестали меня донимать. Я достаточно ясно выразилась?

Лицо Харриса залилось краской.

– Да. Да, конечно. Простите меня. Я не... я не хотел... просто думал... не знаю, что... но... пожалуйста, выслушайте меня. Не присядете хоть на минуту?

Келли уже собиралась отказаться, но что-то заставило ее уступить. Презрительно скривив губы, она села.

– Итак?

Марк судорожно вздохнул:

– Мне очень стыдно. Я не думал вас беспокоить. Посылал подарки, чтобы извиниться за тот случай в ресторане. Понимаете, я все искал повод... Когда увидел ваше фото, вдруг понял, что вы мне как родная. А потом встретил вас, и оказалось, что в жизни вы намного лучше... – Он осекся и покраснел еще сильнее. – Следовало с самого начала понять, что такая девушка, как вы, никогда не обратит внимания на недотепу вроде меня. Простите, я вел себя как глупый школьник. Какой позор! Я... просто не знал, как сказать вам, что испытываю, и...

⁷ Да, мадемуазель (*фр.*).

Он замолчал и смущенно провел рукой по лицу. Келли вдруг стало его жалко. Он казался таким незащитным!

– Понимаете... ну не умею я красиво говорить. Объяснять свои чувства. Всю жизнь я был одинок. Никто никогда... В шесть лет родители развелись и долго сражались за право опеки. На самом же деле я не был нужен ни отцу, ни матери.

Келли молча наблюдала за ним. Каждое слово эхом отдавалось в мозгу, воскрешая нежеланные, давно похороненные воспоминания.

Почему ты не избавилась от девчонки, когда еще было можно?

Я пыталась, Дэн, но ничего не вышло.

– В конце концов вышло так, что я рос, переходя от одних приемных родителей к другим, но нигде никому не было дела...

Это твои дядюшки. Не беспокой их...

– Похоже, я никогда ничего не мог сделать как следует...

Ужин паршивый... Это платье тебе не идет... Ты плохо вычистила туалеты...

– От меня требовали, чтобы я бросил школу и пошел работать в гараж, но я... я хотел быть ученым. Мне твердили, что для этого я слишком туп...

Келли все глубже погружалась в прошлое. Все внимательнее прислушивалась к его словам.

Я решила стать моделью.

Все модели – грязные шлюхи...

– Я мечтал учиться в колледже, но мне заявили, что для такой работы, на которую я сгожусь, образование не обязательно.

Учительница? Хочешь всю жизнь считать медяки?.. Лучше вышла бы на панель, покрутила задницей перед мужиками...

– Когда я получил стипендию в Массачусетском технологическом институте, мои приемные родители сказали, что я спятил и, вместо того чтобы найти работу в гараже...

Колледж? Хочешь зря потратить четыре года жизни?..

Слушать этого чужого человека – все равно что воскрешать в памяти собственную жизнь. Глубоко тронутая, Келли сейчас переживала те же мучительные эмоции, что и сидевший напротив мужчина.

– Окончив институт, я стал работать в парижском филиале «Кингсли интернэшнл групп». Но по-прежнему оставался одиноким. – Марк долго молчал, прежде чем добавить: – Давным-давно я прочитал где-то, что самое прекрасное в мире – найти свою вторую половинку. Человека, которого вы полюбили бы. И который полюбил бы вас. И знаете, я сразу в это поверил.

Келли продолжала молчать.

– Но я так и не нашел никого... – вздохнул он, – и уже был готов сдаться, когда встретил вас, и... – Больше говорить он не мог. Поспешно встал, подхватив Энджел. – Повторяю, мне очень стыдно. Обещаю никогда больше вас не тревожить. До свидания.

Келли дождалась, пока он шагнет к двери, прежде чем спросить:

– Интересно, куда это вы уносите мою собаку?

Марк Харрис растерянно замер на месте:

– Простите?

– Давайте заключим сделку, мистер Харрис. Я заберу Энджел, но за вами остается право посещения.

До Харриса не сразу дошло. Еще миг – и его улыбка осветила, казалось, весь зал.

– То есть... вы хотите сказать... что позволите...

– Почему бы нам не обсудить все за ужином? – улыбнулась Келли.

Она и предположить не могла, что в этот миг превратилась в мишень для убийцы.

Глава 11

Париж, Франция

В полицейском участке Рейи, на улице Энар, двенадцатого округа, велся долгий и трудный допрос. Перед детективами Андре Бельмондо и Пьером Марэ сидел комендант Эйфелевой башни.

РАССЛЕДОВАНИЕ САМОУБИЙСТВА НА ЭЙФЕЛЕВОЙ БАШНЕ

Протокол допроса свидетеля

Понедельник, 6 мая

10.00

Свидетель: Рене Паскаль.

Бельмондо. Месье Паскаль, у нас есть причины считать, что Марк Харрис, человек, предположительно бросившийся с обзорной площадки Эйфелевой башни, был убит.

Паскаль. Убит? Но... но мне сказали, что это был несчастный случай...

Марэ. Он не смог бы самостоятельно перевалиться через ограждение. Оно чересчур высокое.

Бельмондо. И мы точно установили, что он не думал о самоубийстве. Наоборот, строил планы на уик-энд. Собирался сделать сюрприз жене. Это Келли, известная модель, может, знаете?

Паскаль. Простите, джентльмены, но я не понимаю, зачем меня сюда вызвали?

Марэ. Помочь нам прояснить кое-какие обстоятельства. В какое время закрылся ресторан в ту ночь?

Паскаль. В десять. Из-за бури «Жюль Верн» совершенно опустел, поэтому я решил...

Марэ. А когда прекратили работу лифты?

Паскаль. Обычно они ходят до полуночи, но, поскольку ни туристов, ни обедающих не было, я отключил их в десять.

Бельмондо. Включая и тот, который поднимается до обзорной площадки?

Паскаль. Да, этот тоже.

Марэ. Можно ли подняться на площадку пешком? Не используя лифт?

Паскаль. Нет. В ту ночь все было закрыто. Я не понимаю, в чем дело. Если...

Бельмондо. Я вам объясню. Месье Харриса сбросили с площадки обзора. Мы знаем, что это так, потому что, когда обследовали ограждение, оказалось, что поручень поцарапан, а на подошвах туфель убитого оказались частицы цемента, совпадавшие по структуре с цементом ограждения. Но если, как вы утверждаете, вход на площадку был закрыт, а лифты не работали, как он мог подняться туда в полночь?

Паскаль. Понятия не имею. Без лифта это просто невозможно.

Марэ. Но этим самым лифтом воспользовались, чтобы поднять на башню не только месье Харриса, но и убийцу или убийц, а затем спустить их вниз.

Бельмондо. Мог ли посторонний человек управлять лифтами?

Паскаль. Нет. Дежурные лифтеры никогда не отходят от лифтов, а по ночам их запирают специальным ключом.

Марэ. И сколько всего таких ключей?

Паскаль. Три. Один у меня. Два хранятся на башне.

Бельмондо. Вы уверены, что лифт отключили в десять?

Паскаль. Да.

Марэ. Кто из лифтеров дежурил в ту ночь?

Паскаль. Тос. Жерар Тос.

Марэ. Мне хотелось бы побеседовать с ним.

Паскаль. Мне тоже.

Марэ. Выразитесь яснее.

Паскаль. С той ночи никто Тоса в глаза не видел. Я позвонил ему на квартиру, но трубку не брали. Я связался с хозяином дома. Он сообщил мне, что Тос выехал.

Марэ. И конечно, не оставил адреса.

Паскаль. Совершенно верно. Буквально растворился в воздухе.

– «Растворился в воздухе»? Мы говорим о великом Гудини или о паршивом лифтере?! – взорвался генеральный секретарь Клод Рено, звонивший из штаб-квартиры Интерпола. Это был маленький, энергичный пятидесятилетний человек, упорно поднимающийся по служебной лестнице вот уже двадцать лет.

Сегодня он проводил заседание в конференц-зале семиэтажного здания Интерпола, международной организации по координации действий полиции семидесяти восьми стран-участниц. Здание располагалось в Сен-Клу, в шести милях к западу от Парижа, и в нем работали бывшие сотрудники Службы национальной безопасности Франции и Парижской префектуры.

За большим столом сидели двенадцать человек. Весь последний час они допрашивали детектива Бельмондо.

– Значит, вы и детектив Марэ так и не смогли раздобыть информацию об убийстве человека в том месте, где он никак не мог оказаться и куда никоим образом не могли проникнуть убийцы, а тем более скрыться незамеченными. Вы это хотите сказать?

– Мы с Марэ опросили всех, кто видел...

– Не важно. Идите. Вы свободны.

– Да, сэр.

Детектив браво повернулся и вышел из комнаты. Генеральный секретарь повернулся к остальным:

– Подумайте хорошенько. Мелькало ли в ваших расследованиях прозвище Прима?

Мужчины, немного подумав, покачали головами.

– Нет.

– Не слышали.

– Кто такой Прима?

– Не знаем. Это имя было нацарапано на записке, найденной в кармане пиджака убитого в Нью-Йорке человека. Мы считаем, что тут есть связь.

Рено вздохнул:

– Господа, у нас в руках головоломка в обертке тайны, заключенной в загадку. За пятнадцать лет службы в Интерполе мне приходилось сталкиваться с серийными убийцами, международными шайками, драками, общественными беспорядками, отцеубийствами и всеми

мыслимыми и немислимыми видами преступлений. Но за эти годы я не встречал ничего подобного. Поэтому немедленно посылаю официальное уведомление в нью-йоркское отделение Интерпола.

Фрэнк Бигли, шеф манхэттенских детективов, как раз читал послание Рено, когда в кабинет вошли Эрл Гринберг и Роберт Прегитцер.

– Вы хотели нас видеть, шеф?

– Да. Садитесь.

Детективы послушно уселись. Бигли издала показал им бумагу:

– Это уведомление, присланное сегодня утром главой Интерпола. Послушайте: «Шесть лет назад японский ученый Акира Исо покончил с собой, повесившись в номере токийского отеля. Мистер Исо был совершенно здоров, только что получил повышение и, как уверяли окружающие, был в прекрасном настроении».

– Японец? Какое отношение он имеет...

– Позвольте дочитать. «Три года назад Маделайн Смит, тридцатидвухлетняя швейцарка, занимавшаяся научной работой, покончила с собой, отвернув газовые горелки в своей цюрихской квартире. Она была беременна и собиралась замуж за отца своего ребенка. Друзья уверяли, что мисс Смит в жизни не была так счастлива».

Бигли поднял глаза.

– За последние три дня произошло еще четыре несчастных случая. Жительница Берлина по имени Соня Вербрюгге утонула в собственной ванне. В ту же ночь американец Марк Харрис бросился вниз с обзорной площадки Эйфелевой башни. Днем спустя канадец Гэри Рейнолдс врезался на своей «сессне» в гору недалеко от Денвера.

Гринберг и Прегитцер молча слушали, все больше недоумеваля: что шеф пытается доказать?

– И наконец, вчера вы обнаружили на берегу ИстРивер тело Ричарда Стивенса.

Эрл озадаченно уставился на Бигли:

– Какое отношение все эти случаи имеют к нам?

– Преступления, – спокойно поправил шеф Бигли. – Эти преступления сведены в одно дело.

– Что?! – вскочил Гринберг. – Позвольте мне уточнить: японец – шесть лет назад, швейцарка – три года назад и за последние несколько дней – немка, канадец и два американца. Так что же их объединяет?

Шеф Бигли молча вручил Гринбергу уведомление Интерпола. Тот пробежал глазами документ и, удивленно качая головой, уточнил:

– Так Интерпол считает, что за всеми этими убийствами стоит компания «Кингсли интернэшнл груп»? Абсурд! Никогда не поверю.

– Шеф, мы говорим о крупнейшем в мире мозговом центре, – вмешался Прегитцер.

– Все погибшие так или иначе были связаны с КИГ. Владелец и президент – Таннер Кингсли. Он управляет компанией, являясь одновременно председателем Комитета по науке при президенте США и главой Института национального перспективного планирования. Кроме того, он состоит в Государственном комитете обороны при Пентагоне. Так что, думаю, вам следует потолковать с мистером Кингсли.

– Будет сделано, – неохотно согласился Эрл Гринберг.

– Вот что, Эрл...

– Да, шеф?

– Ступай осторожно, мелкими шажками, и смотри, куда идешь.

Выйдя из кабинета, Эрл связался с секретарем Таннера Кингсли. Положив трубку, он повернулся к Прегитцеру:

– Я договорился о встрече во вторник, в десять утра. В данный момент мистер Кингсли присутствует на слушании одного из комитетов конгресса в Вашингтоне.

Шесть сенаторов и несколько десятков репортеров и просто любопытных собрались на заседание Специального комитета сената по проблемам окружающей среды, чтобы выслушать показания Таннера Кингсли.

Кингсли, высокий красавец лет сорока с отливающими сталью и искрящимися умом голубыми глазами, римским носом, квадратным подбородком и медальным профилем, спокойно рассматривал присутствующих.

Глава комитета, старший сенатор⁸ Полин Мэри ван Лувен, величественная дама, державшаяся с почти агрессивной самоуверенностью, сухо объявила:

– Можете начинать, мистер Кингсли.

– Благодарю, сенатор, – кивнул Таннер. – Господа, мне неприятно говорить это, но, пока некоторые политики в правительстве продолжают разглагольствовать о последствиях глобального потепления и парниковом эффекте, не предпринимая при этом никаких решительных действий, дыра в озоновом слое быстро разрастается. Из-за этого некоторые регионы нашей планеты страдают от засухи или от наводнений. Только недавно в море Росса распался на куски айсберг размером с Ямайку, и причина – все то же глобальное потепление. Озоновая дыра над Южным полюсом достигла рекордного размера в десять миллионов квадратных миль.

Помедлив для пущего эффекта, он медленно повторил:

– Десять миллионов квадратных миль. Мы констатируем увеличение количества ураганов, циклонов, тайфунов и бурь, опустошающих европейские страны. Из-за губительных и радикальных перемен климата миллионы людей по всему миру терпят голод. Но это всего лишь слова. Голод и угроза жизни людей. Постарайтесь проникнуть в их смысл. Истинное значение этих слов: голодающие, бездомные, умирающие женщины, мужчины и дети. Прошлым летом в Европе от тепловых ударов умерло больше двадцати двух тысяч человек.

Голос Таннера становился все громче.

– И что мы предприняли? Наше правительство отказалось ратифицировать Киотский протокол саммита по охране окружающей среды. Очевидно, нам наплевать, что будет с остальным миром, и в этом вся беда. Мы просто идем своей дорогой и делаем только то, что угодно нам. Неужели мы так заняты собой, так тупы, что не можем видеть, как покончить...

– Мистер Кингсли, – перебила сенатор ван Лувен, – здесь не научная дискуссия, так что ваш пафос неуместен. Я предлагаю вам избрать более спокойный тон.

Таннер глубоко вздохнул, стараясь взять себя в руки, и уже тише продолжал:

⁸ В сенат США избирается два представителя от каждого штата, независимо от количества населения. Тот, кто избран раньше, называется старшим сенатором.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.